

18+

Валерий Лобков

**ПОЗЫВНОЙ
«ЯРИЛА».
ОПЕРАЦИЯ «АРХИВ»**

Поиск решений

Валерий Лобков

**Позывной «Ярила». Операция
«архив». Поиск решений**

«Издательские решения»

Лобков В.

Позывной «Ярила». Операция «архив». Поиск решений /
В. Лобков — «Издательские решения»,

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Операция «Архив» по поиску похищенной
технической документации, новейшей, загоризонтной радиолокационной
станции. Следы ведут за границу: Польшу, Германию. Поиски становятся все
более кровавыми.

© Лобков В.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
ГЛАВА 4	15
ГЛАВА 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Позывной «Ярила». Операция «архив» Поиск решений

Валерий Лобков

© Валерий Лобков, 2026

ISBN 978-5-0069-8745-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все описанное в этом романе — сплошная выдумка.

Совсем близко к правде в нем только место, где происходили события, время, хронология, результат и неимоверно титанические потуги *Автора* восстановить подробности тех событий, которые, как бы никогда не случались..

Часть 1

Глава 1

Восходящее солнце золотило восточный склон величественного Казбека. На Северном Кавказе Кирилл находился уже полгода, но шанс полюбоваться горными исполином выдался только на боевом выходе. Из Ханкалы, места постоянной дислокации, Казбек был виден очень плохо..

Впервые Кирилл увидел его утром, после ночлега в заброшенной кошаре, рядом с железнодорожной станцией «Слепцовская». Но тогда его вид особого впечатления на него не произвел. Ну, гора и гора: разве, что покрыта снегом и на склоне которой природа нарисовала цифру «два».

Сейчас, находясь в селении Барсуки, что раскинулось рядом с трассой «Ростов — Баку» — Казбек выглядел совсем иначе. Он точно соответствовал своему изображению на пачке, знаменитейших в свое время, дорожных папирос с одноименным названием. Возможно, сегодня атмосфера находилась в другом состоянии, возможно здесь воздух был прозрачнее и чище. Но вид второй по высоте (5033м) * горы Кавказского хребта, поражал воображение, и вызывал у Кирилла какой — то трепет и мистический восторг. Складывалось ложное впечатление, что стоит протянуть руку — и наверняка почувствуешь холод ледника, покрывающего легендарную гору.

В Барсуки боевая группа подполковника Андрияшина (Урала) прибыли вчера во второй половине дня. Как известно, Левочкин, Ярилов и Муштагов, решением командования были включены в состав этого, недавно сформированного, подразделения. После отъезда из усадьбы Муштаговых, вся группа собралась в пустующем здании на территории леспромхоза.

*Самая высокая вершина Кавказского хребта — Эльбрус (5642м). Википед.

День, перед выходом «в поле», как говорят среди спецназовцев, был плотно занят подготовкой к боевой операции. Время для отдыха, как такового, практически не было. Особенно у Кирилла и Имрана: они были новичками в группе и впервые принимали участие в столь незнакомом и рисковом мероприятии. Знакомство и разговоры с опытными, бывалыми бойцами, проверка оружия, боезапаса, снаряжения и индивидуальных радиостанций не оставляли время для праздности и лежания кверху пузом под ласковым солнышком.

На следующее утро, после завтрака, построения и инструктажа, вся группа в полной, боевой выкладке, загрузилась в давно немыйтый, бортовой УРАЛ. Подполковник Андрияшин (Урал) и капитан Наконечнюк (Цыган) заняли место в кабине УРАЛа, остальные — под латанным, наглухо застегнутым тентом. И автомобиль, оставляя за собой шлейф черного, душающего дыма, тронулся в сторону Федеральной трассы «Кавказ».

Через час с небольшим, двигаясь без единой остановки, они оказались на территории, пустующей в летнее время школы в селении Барсуки, Назрановского района, республики Ингушетия. Это место дислокации группы было выбрано неспроста. Оно находилось непосредственно на трассе, соединяющей столицы двух республик: Владикавказ и Грозный и на равном удалении от Владикавказа и Бамута.

На ночлег расположились в школьном спортивном зале. Конечно, это не номера в гостинице, но спецназовцы были вполне этим довольны: ранее им приходилось коротать время в условиях несравненно худших. Все в группе понимали, что долго они в Барсуках не задержатся и с удовольствием пользовались неожиданным «комфортом».

Их понимание подтвердил командир группы после утреннего сеанса связи с руководителем операции — полковником Киселенко. На построении он довел до всех бойцов, что по докладам службы наружного наблюдения гости, выехав из Владикавказа, сразу же отклонились от предполагаемого маршрута и направились в город Беслан, по только им, известным надобностям.

Немногочисленные подробности их визита в Беслан Андрияшин раскрыл на непродолжительном совещании, которое состоялось в классе ботаники вскоре после построения. На нем, в качестве офицера контрразведки, присутствовал Кирилл Левочкин. Ни Вадим, ни Имран на совещание приглашены не были. Иначе и быть не могло: каждый должен знать только то, что ему необходимо знать для успешного выполнения своих обязанностей при проведении операции. В этот раз «Урад» был многословен: говорил обстоятельно, иногда хмурил брови, и времени не экономил:

— Прибыв в Беслан, непрошенные «гости» сразу встретились с хозяином пункта приема металлолома Русланом Дзагоевым, полчаса говорили с ним на скамейке в парке, а потом часа четыре пили пиво в ресторане неподалеку от городского рынка. На ночлег устроились в доме у родного брата Дзагоева, и весь следующий день никуда из него не отлучались. Службой НН зафиксированы еще две встречи Сивко с новыми людьми. Одна, которая длилась менее пяти минут, с почтальоном определена, как случайная и не требующая внимания.

А вот вторая с первого взгляда привлекла наше внимание: в два часа пополудни, к дому, где они остановились, подъехал шестисотый «Мерседес». Из него вышел гражданский мужчина средних лет, который в течение часа, наедине беседовал с Игорем Сивко в беседке на приусадебном участке. В этом незнакомце опознали Ваху Аздоева, заместителя начальника милиции Назрановского района

По нашим данным Ваха Аздоев, тогда местный участковый уполномоченный, два года назад подозревался в связях с одиозными лидерами чеченских сепаратистов Басаевым и Радудевым, но доказать этот факт или «поймать за руку», как не старались, не смогли. Поэтому Аздоев продолжил службу в правоохранительных органах. Более того: он даже продвинулся вверх по служебной лестнице. В сентябре прошлого года обычного участкового из селения Барсуки, Назрановского района, неожиданно для всех назначили заместителем «шерифа» того же района! Но надо признать, что последнее время Аздоев ни в чем противоправном не замечен: — При этих словах Кирилл понимающе поморщился:

— А кто должен был замечать связи Аздоева с террористами? Агентура КГБ, как и сам КГБ, прекратила свое существование в этих краях около десяти лет назад, а ФСБ свою агентурную сеть еще не набросила. Может, отдельные попытки теперь предпринимались, но не в таких масштабах, какие необходимы для нормальной деятельности спецслужб: — Поскольку Кирилл усмехался скрытно, не привлекая к себе внимания, Андрияшин его реакции не заметил и продолжил свою речь, не вдаваясь в оправдания и пояснения:

— О чем беседовали наши «туристы» с Аздоевым нам, конечно, неизвестно, но с уверенностью можно утверждать, что не о погоде в Дарьяльском ущелье. Я на сто процентов уверен, что их встреча была не случайна. Именно для этого мент из Ингушетии посетил осетинский город. В течении всей их беседы за усадьбой брата Дзагоева неотрывно велось визуальное наблюдение водителями двух легковых автомобилей, с густо заляпанными грязью государственными номерами, припаркованных в начале и в конце квартала. Причем оба водителя пользовались малоразмерными биноклями. Возможно — театральными.

После окончания встречи Ваха Аздоев вернулся в райотдел милиции. Одновременно с ним, оба автомобиля наблюдателей резво покинули места парковок. Отследить их последующее движение не удалось: транспорт у наружного наблюдения отсутствовал: — Лицо «Урала» непроизвольно скривилось от досады. Очевидно, что в этом проколе была доля и его вины. Но он быстро взял себя в руки,

— Через час после отъезда Оздоева, из ворот усадьбы, где наши «гости» нашли приют — выехал автомобиль, на котором они прибыли на Кавказ. В салоне авто пассажиров не замечено, а за рулем находился молодой джигит, как потом выяснилось — племянник Руслана Дзагоева. Автомобиль проехал в конец квартала, завернул за угол и въехал в высокие, железные ворота обычного жилого дома, на которых белой краской было старательно выведено: «Автаримонт». Судя по густой траве перед воротами — популярностью у автовладельцев «сервис» не пользовался, и очередь в него занимать не было необходимости.

Через некоторое время племянник вернулся в дом дяди пешком: очевидно автомобиль наших «гостей» был оставлен для срочного ремонта..

Глава 2

По лицу подполковника Андрияшина вновь коротко пробежала тень недавней досады, непроизвольно дернулось щека и веко глаза, но это длилось мгновение, и кроме Кирилла никто этого не заметил. Причина такого поведения командира боевого отряда для контрразведчика была скрыта мраком, вызывала кучу вопросов, но задать их «Уралу» он не решился. Кирилл хорошо понимал, что такое субординация и как могло бы смотреться его любопытство глазами офицеров, присутствующих на совещании: — Андрияшин тряхнул головой, как будто услышал немой вопрос молодого, неопытного контрразведчика:

— Командир группы наружного наблюдения еще в самом начале операции намекал мне, что группа слишком малочисленна и при плотной работе по двум и более объектам может не выдержать нагрузки и не справиться с задачей.. Но наши аналитики на начальном этапе не прогнозировали такой нагрузки и я оставил без внимания доклад начальника группы Н.Н.: — Подполковник тяжело вздохнул:

— Вот яркий пример: аналитики предполагают и предлагают, а за принятие решение и результат операции отвечает командир! На основании данных аналитиков, разведки, службы наблюдения, личного опыта, интуиции, предсказаний и советов цыганской гадалки — он все должен предусмотреть сам: — Андрияшин сделал паузу и опять тяжело вздохнул:

— Ладно! Это заумная теория и лирика. А реальность и практика такова: на следующее утро, когда лица, следившие за усадьбой Дзгоева, ло самого обеда не засекали на её территории никого из наших «гостей» — резко заволновались и сыграли тревогу. Волнение оказалось оправданным, но запоздалым: люди, которые нас интересовали, и за которыми было организовано наружное наблюдение, из усадьбы Оздоева исчезли без следа. Растворились без осадка, как растворяется сахар в стакане чая!

В дополнение к этому, той же участи удостоился минивэн «Sharan», который племянник Дзгоева перегнал в «автосервис»: — На скулах Андрияшина вспухли желваки, нос заострился и стал похож на клюв хищной птицы. Показалось, что он готов замахать руками — крыльями и вылететь в открытое окно класса. Но ничего подобного не произошло: «Урал» умел быстро успокаиваться:

— На самом деле сахар и чай тут не причем. Люди и автомобили в стакане не растворяются. Все много проще: приусадебный участок Дзгоева имел общий забор, вернее простую межу, с приусадебным участком «автосервиса». Зашел в калитку усадьбы Оздоева, а вышел или выехал из ворот «сервиса». И наоборот!

Наша «наружка» вела наблюдение за воротами и калиткой перед домом Дзгоева, а остальную территорию усадьбы никто не контролировал. «Гости», во всех отношениях, вели себя пристойно и повода не давали, да и лишних людей для слежки не было. Поэтому им и не составило труда, глубокой ночью, не выходя на улицу, через сад Дзгоева пробраться на приусадебный участок «автосервиса», забрать транспорт и никем не замеченными исчезнуть в неизвестном направлении. Ни на одном блок — посту возле города Беслана проезд микроавтобуса с Белорусскими государственными номерами 5692 КТ не зафиксирован!

В классе ботаники, где происходило совещание, на несколько минут повисла тревожная тишина: Проворонили? Прозевали? И что теперь делать? Кирилл, не отрывая глаз, смотрел на офицера спецназа, коему высокое Московское начальство доверило руководить самой ответственной частью важнейшей операции. Операции по пресечению попытки похищения иностранными спецслужбами военных секретов, представляющих для России Государственную тайну! Смотрел, и испытывал к нему кроме огромного уважения, еще и сочувствие. Больше того: подполковника ему было жалко.

Бесценный опыт, который Кирилл приобрел за время службы в особом отделе при штабе группировки Российской армии проводящей КТО* на Северном Кавказе, позволял неоднократно встречать и наблюдать офицеров на высоких, командных должностях, которым было доверено руководство важными, боевыми операциями. И которые, по причинам не зависящих от руководителей, со своей задачей не справились.

Для каждого из таких офицеров это была личная трагедия, не имеющая никаких оправданий, никаких скидок за прошлые, зачастую значительные заслуги и успехи в службе. Трагедия глубокая, затрагивающая личное самолюбие и бьющая по основополагающему понятию любого командира: по офицерской чести.

Командир группы спецназа с позывным «Урал», как не крути, в настоящее время оказался именно в таком, тяжелейшем положении. Причем, оно возникло на начальном этапе операции, что еще более усугубляло её тяжесть. Поскольку, к чертям собачьим гробила все предыдущие планы и вгоняла в пот любого командира при выработке новых. В силу вступало такое нелюбимое в армии понятие, как «цейтнот». После которого командиру осталось надеяться лишь на своего Ангела Хранителя, да на боевую выучку своих подчиненных.

Кирилл на короткое время представил себя на месте командира группы, и по телу прокатилась волна сочувствия Андрияшину и желания остаться на своем месте. Уж очень шатким и бесперспективным выглядела позиция «Урала» в настоящее время!

Подполковник, как будто вновь чудесным образом проник в голову Левочкина и прочитал его мысли. Медленно развернулся в его сторону и, твердо выговаривая слова. Сказал, как припечатал:

— Сопли не распускать! Ожидаем информации от стационарных, и выставленных нами дополнительных блок — постов на возможных маршрутах их продвижения и только тогда принимаем нужное решение. Но внутренний голос мне уже сейчас подсказывает, что нужных нам вестей мы не дождемся. Лично я бы ни за что не рискнул двигаться в сторону Чечни по федеральной трассе в открытую, без специальных документов и на автомобиле с иностранными номерами!

Аналитики предполагали с вероятностью семьдесят процентов, что «туристы» могут предпринять какой либо отвлекающий, нестандартный маневр или ход, который они заготовили заранее: — Подполковник пожевал губами:

КТО* — Контр Террористическая Операция.

— И я полностью с их прогнозами согласен. Надо быть полными идиотами, чтобы двигаться в зону, где идут боевые действия, объясняя свой визит желанием полюбоваться красотами гор Северного Кавказа, при этом двигаясь противоположную сторону от главных вершин

Кавказских гор. А других, веских причин, подтвержденных документально — они озвучить не могут. Во всяком случае, до этого на постах ГАИ они именно так объясняли цель своего путешествия:

— Андрияшин снял свои знаменитые, солнцезащитные очки «хамелеоны» и принялся протирать линзы специальной, замшевой салфеткой. На миг Кирилл перехватил его взгляд и понял, что сочувствие и жалость к своему командиру была необоснованной и лишней: в его глазах не было даже намека на растерянность. Наоборот! Они были полны решимостью и в них мелькали искорки азарта и боевой злости. Подобное выражение он наблюдал в глазах Вадима перед огненным контактом с неизвестными, во время их недавнего отдыха на речке.

Подполковник водрузил очки на место, прижал их к переносице указательным пальцем и глаза вновь спрятались за затемненными стеклами. Дверь класса открылась, и в неё заглянул штатный радист группы. Увидев его, Андрияшин торопливо захлопнул, лежащий перед ним блокнот и кивком головы дал понять подчиненным, что совещание на этом закончено. Радист посторонился, пропуская к двери офицеров, покидающих школьный класс.

Вадима Кирилл нашел на территории школьного, спортивного городка. Подставив голый торс под лучи утреннего солнышка, он лежал на скамейке рядом с футбольным полем без ворот. Играть в любые спортивные игры на такой площадке не хотелось: на земле не было ни одной травинки, а по плотности она не уступала асфальтированной площади, на которой проводят военные парады.

Завидев товарища, Вадим нехотя поднялся, уступая ему место для сидения. Спрашивать о чем говорили на совещании — не стал. Если бы ему об том необходимо было знать — его бы на совещание пригласили вместе с Кириллом.. А раз не пригласили — то и не стоит уподобляться «любопытной Варваре»!

Несколько минут оба сидели, молча, а затем Кирилл, последовав примеру товарища, принялся стаскивать с себя «сбрую», но на полпути почему — то передумал и вернул кобуру со «Стечкиным» на привычное место. Наблюдая за ним, Вадим не выдержал и невесело усмехнулся:

— Я сильно ошибусь, если предположу, что наши «драгоценные» гости куда — то съехали? При этом почему — то забыв оповестить «дорогих» хозяев? Да и маршрут своего дальнейшего движения нам почему — то не озвучили: — Кирилл оставил возню с экипировкой, повернул голову к Вадиму и секунд двадцать изучал его ухмыляющуюся физиономию. В его взгляде сквозило неприкрытое удивление:

— Наш школьный учитель географии — Константин Людвигович Рак еще в пятом классе сумел убедить нас, «школяров», что ясновидение — бабкины сказки и сплошной обман. А все объявившие сами себя ясновидящими — шарлатаны, заслуживающие небольшого, но обязательного, очистительного костра! Кстати: ты, уважаемый Герой России, имей в виду, что это звание тебя от костра не спасает!

Глава 3

Вадим картинно набрал полную грудь воздуха и медленно, но шумно его выдохнул — Я, конечно, обладаю многими талантами и достоинствами. Но чудесное ясновидение в их перечне не входит! То, что «гости» пропали из нашего поля видимости — это просто моя догадка, и судя по всему — она верна на все сто процентов! Увидев крайне озабоченное, а скорее растерянное выражение на твоей прекрасной рожице трудно не догадаться, что «жареный петух», клюющий в задницу, о котором говорят в народе — отнюдь не выдумка: он существует! — Вадим выпятил вперед подбородок и устремил указательный палец правой руки куда — то в бирюзовое небо:

— Дорогой друг Кирилл! Я уверен, что если ты ко мне, сейчас, повернешься задом, а к школе передом — на штанах, туго обтягивающие твои тощие ляжки, будут отметины клюва легендарного петуха! У нашего начальства, и у всех остальных участников совещания, уверен, что картина та же самая. — Указательный палец изменил направление, описал сложную фигуру и теперь указывал на утоптанную землю под собственными ногами. Наверное, в том же направлении испарился его нарочитый, шуточный тон разговора, какой Вадим выбрал для разговора с Кириллом, Изменилось и выражение его лица. Подбородок вернулся на место, глаза превратились в узкие щели. Даже показалось, что нос заострился и стал похож на клюв хищной птицы:

— Значит «наружка» их прос...ла. Не важно, по какой причине. Главное, что ищи — свищи их теперь, как ветер в поле! Может, скажешь, что я не прав?: — Кирилл обиженно засопел, плюнул себе под ноги и сел рядом:

— Не пойму тебя Вадим! Судя по твоему поведению — в ответе на свой вопрос ты не нуждаешься: в своих предположениях ты уверен! Тогда для чего ты скалишься и шуточки про «петуха» отпускаешь? Вроде, как ты здесь сторонний наблюдатель от высокого начальства, присланный для фиксации наших случайных и незапланированных отклонений от утвержденного хода операции. Во всяком случае, это выглядит так: вы ошиблись, вы напортачили — вам и выправлять положение. А я здесь не причем! Я свою задачу выполнил: вашу оплошность я четко отметил и вовремя зарегистрировал: — Кирилл попытался взглянуть в глаза товарищу, но не получилось: он смотрел куда — то вверх и в сторону. Туда где в прозрачном воздухе черными молниями раскраивали небо стремительные ласточки:

— Иначе как объяснить твои ухмылочки во весь рот и показное равнодушие к тому, что произошло? Ты хоть и герой России, но роль голливудского супермена тебе не подходит! Тоже мне: Шварценеггер доморощенный! Эта роль не для тебя и тебе пока не по плечу: — Цыкнул зубом и повторно плюнул на землю.

Вадим продолжал изучать в небо. Значительно выше суетливых ласточек, со стороны близкой Грузии, совершенно без звука, оставляя за собой яркий инверсионный след, летел маленький, серебристый самолет. На школьном стадионе было тихо и уютно. Совершенно не верилось, что где — то в этом, богом созданном мире, существуют страдания и житейские проблемы. Пальцами правой руки помассировал, слегка затекшую от напряжения шею:

— Не заводись «гроза шпионов». Могу тебя клятвенно заверить, что мне, особенно сегодня, не до «шуточек и ухмылочек», как ты недавно изволил выразиться! А если честно — то я давно уже во весь рот не улыбаюсь.

Понимаешь, я реально оцениваю свои возможности глубоко и объективно оценивать нынешнюю, сложившуюся оперативную обстановку вокруг, столь важной для государства и армии, операции. И скажу тебе честно: они вовсе не велики! Начнем с того, что я не аналитик. Аналитике меня никогда не учили.

Если я пытаюсь в уме систематизировать события, которые происходят в настоящее время со мной, с тобой и нашими братьями по оружию, то лишь на бытовом уровне и доступном любому бойцу спецназа. Которому частенько приходится выполнять задание если не в одиночку, то в составе мелких групп и на значительном удалении от тех, кто ставил тебе боевую задачу и отправлял тебя на боевой выход. Понимаешь, о чем я говорю?

Вот ты, Кирилл, контрразведчик. Окончил специальное учебное заведение, где тебя обучали хитрым наукам, которым других нигде и никогда не научат! Следовательно, ты имеешь преимущество над всеми рядовыми офицерами группы, так — как ты — человек ученый! А я так себе: простой самоучка. Но очень любопытный, ценящий и любящий именно такую жизнь, которая ныне выпала мне. И я совсем не желаю и очень боюсь её потерять: — Вадим улыбался, но улыбка даже не открывала зубов, и глаза оставались серьезными:

— Знаешь, как представляю процесс анализа, какого —нибудь важного события, от которого многое зависит в дальнейшей жизни? Могу пояснить: широкий стол на котором в большом количестве лежат картонные пластинки на которые нанесена информация о всех, мало — мальски важных событиях, фактах и ситуациях. О любых слухах и сплетнях, имеющих отношения к боевой задаче, выполнением которой в данное время занимаюсь я или подразделение, в котором я служу. Может, сравнение с картонными карточками выглядит неуместно и немного наивно, но зато для понимания того, что я хотел сказать — наглядно!

Человек, сидящий за этим столом — это не простой офицер при штабе, отлученный от оперативной работы за какие — то грехи и которого нечем занять. В моем понимании это умный, специально обученный специалист, умеющий сведения от различных источников сложить в цельную картину, объясняющую реальный ход операции, обстановку вокруг неё и перспективы её развития.

Так вот: в нашем случае картонные карточки с необходимой, дополнительной информацией, даже для поверхностного анализа промежуточных итогов проводимой операции, на воображаемом столе напрочь отсутствовали. Из того следует: если у меня нет базовых знаний и нет дополнительной информации. я, при всем желании, объективно проанализировать успехи и недостатки того, что мы уже отработали — не в состоянии: — Вадим щелчком сбил рыжего, крупного муравья, перебравшегося со скамейки на голый живот, и обернулся к Кириллу:

— Но благодаря тому, что человеческий мозг устроен так, что без работы существовать не может, я не оставил попытки проанализировать ситуацию с операцией «Архив» даже в этих непростых условиях:

Кирилл тоже обнаружил рыжего, наглого агрессора на своем животе и поступил с ним точно так же, как и Вадим. Наверное, где — то неподалеку от скамеек находился их муравейник, а кусачие гиганты являются обычными разведчиками. Если это так, то борьба с муравьями бессмысленна: правильнее будет пересечь на другую скамейку и подальше от этого места. Вадим повторно щелкнул себя по животу:

— Уважаю! Вот пример для нас, как должен работать спецназ в разведке: не заикаться на одном объекте, а работать сразу на всех, в нашем случае — на обоих. Не получилось у первых двух «воинов» — им на смену немедленно идут следующие «бойцы»: — Кирилл муравьиную тему не поддержал:

— Не отвлекайся и не переводи разговор на ерунду! Что ты все же наанализировал по «Архиву»? Могу честно признаться, даже без дыбы и костра: у меня в башке кое — какие мысли тоже появились!

— Изволь! Но предупреждаю, что это не совсем анализ, а скорее вопли невежды с огромными вопросительными знаками! Покури несколько минут: я должен собрать мысли в кучу, чтобы не выглядеть в глазах контрразведчика тупым дилетантом: — Кирилл автоматически сунул ладонь в карман камуфляжных штанов, но вспомнив о том, что он клятвенно декларировал полный отказ от табака на время боевого выхода, засмутился и спешно оставил карман в покое. Вадим его промаха не заметил или сделал вид, что не заметил: он вновь принялся изучать траектории полета стремительных ласточек.

Молчание затягивалось. Кирилл стоически боролся с желанием закурить и чем больше боролся, тем сильнее мечтал о глубокой затяжке ароматным дымом. Но вспомнив крайнюю фразу друга, быстро нашел оправдание собственного слабоволия. Опытный спецназовец, он же Герой России, сам рекомендовал ему закурить, как смеет новичок ему противиться? Если не следовать его мудрому совету — он может и обидеться!

Сказано — сделано! Но на всякий случай не так явно и открыто. Кирилл передислоцировался на ящик с песком, что находился в нескольких метрах за спиной Вадима. Он, погруженный в свои мысли, его хитрого маневра не заметил. Отсутствие возле себя друга Вадим обнаружил уже после того, когда тот умудрился докурить сигарету до самого фильтра. Кивком пригласил его занять место на скамейке:

— Кирилл! Прошу тебя не скалить зубы, даже если я ляпну, на твой взгляд, явную глупость. Учитывай, пожалуйста, мои возможности и выводы делай только тогда, когда я выскажу все, что я хотел сказать: — Выдержал короткую паузу и твердо поставил точку: — Даже если ответ на мой вопрос у тебя уже созрел:

— Кирилл понял, что Вадим говорит об очень важных и серьезных для него вещах и чтобы не обидеть товарища неосторожным словом, просто кивнул головой в знак согласия с его просьбой. Правда, тут же уточнил:

— погоди минутку! К нам присоединится еще один слушатель, которому твои выводы, я думаю, тоже будут интересны и, я уверен, полезны!

ГЛАВА 4

На ступеньках школы стоял Имран Муштагов в чистеньком, мало обмятом камуфляже и разгрузке, полностью укомплектованной для ведения боя. «Винторез» перечеркивал грудь, а 92 — я «Veretta» топорщилась в открытой кобуре на правом бедре. Приложив раскрытую ладонь ко лбу, он глядел в сторону скамеек, на которых принимали солнечные ванны Вадим с Кириллом.

Расстояние до ступенек не превышало тридцати метров и было отлично видно, что на лице Имрана, в отличии от Вадима и Кирилла, цвела улыбка, а значит особой озабоченностью в настоящее время он не страдает. Помахав рукой, он спустился со ступенек и напрямик направился в их сторону. Кирилл, положил руку на колено Вадима:

— Надеюсь, что болезнью под названием «шпиономания» ты не страдаешь и от продолжения нашего разговора не откажешься. Уж если подозревать «крота» в наших рядах, то это точно не Имран: — Вадим в знак согласия кивнул головой. Он был твердо уверен, что товарищ детства Имран Муштагов по прозвищу «Пеле» на предательство не способен.

Подойдя к скамейкам, Имка, не говоря ни слова, молча стащил с себя автомат, разгрузку, камуфляжную куртку, кепку и все аккуратно уложил на соседнюю скамейку. Любимая «Veretta», пристегнутая к середине бедра, осталась на месте. Немного подумав, стащил майку и обмотал её вокруг головы на манер чалмы. Кирилл, приветливо скалясь, подвинулся на скамье, давая ему место.

— Ты вовремя! Вадим как раз собрался высказать свое мнение о ходе нынешней операции. Присоединяйся, вместе послушаем нашего аналитика, но предупреждаю: его при этом не перебивать, не ржать как лошади Пржевальского и не комментировать его выводы. Одним словом — соблюдать гробовую тишину и полный порядок: — Вновь достал пачку сигарет из кармана: — Обещаем? — Вадим так выразительно фыркнул, глядя на явный признак слабости товарища, что Кирилл смешался, суетливо отправил пачку обратно в карман и сам ответил на свой вопрос:

— Обещаем! Режь нам матку — правду в глаза товарищ Герой России! Глаголь нам истину впервой инстанции — Имран верхом, как на коня, сел на скамейку рядом с Кириллом и приготовился слушать. Вадим, склонив голову к левому плечу, внимательно и с каким — то новым, непонятым выражением на лице разглядывал Кирилла:

— Уважаемый наш друг Кирилл! Может, хватит скалить зубы и превращать любой разговор в подобие соревнования в остроумии капитанов команд на заседании Клуба Веселых и Находчивых? Скажешь, что это совсем не так? Мне, во всяком случае, так кажется. Нет, я в этом уверен!

Кирилл! Пойми меня правильно: то, что я сейчас собираюсь с вами обсуждать — не экспромт, не скоропалительные выводы нервного дилетанта. Да и не выводы это вовсе! Это результат моих размышлений о ходе операции. И чем дальше она длится — тем больше у меня возникает вопросов к её промежуточным результатам и тем больше сомнений в её успешном окончании:

Кирилл недовольно поморщился, губы зашевелились, готовые возразить, но он вовремя взял себя в руки и лишь смиренно приложил обе ладони к груди, выказывая согласие со сказанным и полное смирение. Но Вадим на него уже не смотрел: опустив голову, он внимательно разглядывал толи землю с утоптанной, редкой травой, толи собственные, пыльные берцы. Так, не меняя положения головы, он и заговорил обычным голосом. Кириллу и Имрану пришлось напрягать слух для того, чтобы понимать смысл сказанного:

— Первые вопросы у меня начали возникать сразу же, как только я узнал о моем участии в серьезной операции. Сами понимаете, что никакого опыта участия в операции, имеющей государственное значение и соответствующий гриф секретности, у меня не было. Следовательно, все происходящее со мной и вокруг меня вызывало повышенный интерес и некоторую робость. Наверное, потому, что со «шпионскими играми» я был знаком только по книгам и фильмам об отважных и доблестных советских контрразведчиках.

Еще в детстве я зачитывался книгами о Штирлице и отважном «майоре Вихрь». Несчетное число раз перечитывал богомоловский роман «Момент истины». Отсюда можно судить о моем знании методов работы контрразведки. Мое личное участие в боевых выходах на территорию врага и участие в огневых контактах с ним — ни знаний, ни опыта не добавляют!

Тем не менее, каждые сутки в лагере, в Ханкале, проведенные в новом качестве, прежде чем заснуть в уютной постели я старался восстановить все события прошедшего дня и сделать, насколько я был способен, возможный анализ применительно к скорому началу операции. И чем больше я этим занимался, тем больше у меня возникало сомнений и тем больше возникало вопросов.

Думаю, вы согласны, что: любая серьезная и важная операция, конечно, требует серьезной подготовки. В этой операции, одна из особых ролей отводится мне — обычному бойцу спецназа. Значит, меня надо к этому готовить, обучать иному мышлению, иному анализу обстановки. Да и действовать, в том или ином случае, я должен совсем иначе, чем боец спецназа! Согласны?

А если так — то почему меня не отозвали из отпуска для начала подготовки? Я ведь сам прервал его по семейным обстоятельствам. Если бы не ссора с женой, я бы весь август спокойно проживал в общежитии гарнизона!

Долее: неважно по какой причине я сам досрочно прибыл в «дом родной», в бригаду. И что? Кто — то занялся моей подготовкой к предстоящим мероприятиям? Извини дорогой друг Кирилл! Но твое «ненавязчивое шефство» над будущим контрразведчиком = обучением можно назвать с большой натяжкой! Не было ни какого обучения! Воспоминания и рассказы друг — другу о прошлой жизни ничему не обучают!

Но потом нам на помощь пришел «счастливый» случай, вернее происшествие: ты обнаружил вражеский «жучек» в отсеке в котором мы с тобой проживали, установленный в люстре. Казалось, вот она отличная возможность для руководителей скорой операции, привлечь новичка к расследованию и поиску врага, сделавшего шпионскую закладку! Но нет!

Работа велась кулуарно. Ни тебя, ни меня к ней не привлекали. Предателей, работающих на сепаратистов, конечно, вычислили. Но каким образом, какими усилиями — никаких подробностей, никакого анализа! Как будто нас это не касается, как будто мы посторонние!

А я отлично помню, как ты, вернувшись с совещания в особом отделе, сообщил мне, что начальство велела тебе посвящать меня во все значимые подробности работы контрразведки. Поэтому я и сказал «нас»: тебя с нюансами поиска «закладчиков жучка» тоже не знакомили! С результатами — возможно да, с нюансами — точно нет! Иначе ты бы со мной обязательно поделился. Ни ты, ни я, по сей день, не знаем: прослушивали нас с тобой в связи с предстоящей операцией или по причине кровной мести по заданию арабского миллионера?

Мой первый вопрос: такая подготовка к важной, ответственной операции — это случайность? Переоценка моих и твоих возможностей? Недооценка профессиональной подготовки наших противников? Недосмотр нашего начальства? Или обыкновенное армейское раздолбайство? Ответа нет!

Следующий вопрос: кто стоит за убийством одинокого старика, соседа моих деда и бабы — Кузьмича, который приютил нас после высадки в Слепцовской станице? Связано ли преступление с начавшейся операцией или убийц надо искать среди «охотников за головами»? То, что причиной убийства одинокого старика стало его нежелание делиться информацией о постояльцах с незнакомцами, то — есть о нас с тобой — сомнений никаких нет. Тогда почему о любых результатах расследования убийства, если они были, нам ничего не сообщили?

Кем и на кого была организована ночная засада на внедорожник, когда мы возвращались домой к Имрану, после встречи с командованием? Понятно, что на автомобиль Муштаговых. Но они знали, кто находится внутри джипа? Если на нас с тобой, то как и от кого они получили информацию, что именно мы в нем? В то время еще пост наблюдения за усадьбой Ахмата Магомедовича, неизвестные нам противники, не выставили. Значит утечка от нас?

Кирилл, я почти уверен, что ты задавал сам себе вопрос: каким образом неизвестные боевики узнали про нашу с тобой незапланированную поездку на речку? И что ты себе ответил? А еще кто себе подобный вопрос задавал? И ответ получил? А если получил, то почему нам его не озвучил?

А кто мне объяснит, как получилось, что враг сумел незаметно для группы «Волгаря», обеспечивающей безопасность усадьбы Муштаговых, тайно выставить наблюдательный пункт в голубятне соседнего дома? Никудышная боевая, профессиональная подготовка спецназовцев группы «Волгаря» — Тимонина? Тогда совершенно непонятны действия руководителей операции, отправивших «неумех» и дилетантов на боевой выход. Отсюда возникает новый вопрос: как могли доверить руководство такой операции слабому, некомпетентному начальству? А может речь снова идет не о профессиональной подготовке командиров, а о пустившем глубокие корни и поразившем все стороны армейской жизни, обычном разгильдяйстве? *

* Речь идет о событиях, описанных в романах «Позывной Ярила» и «Операция Архив. Начало».

ГЛАВА 5

Кирилл, не отрываясь, смотрел на своего товарища. Выгоревшие от летнего солнца брови поначалу поползли у него по лбу вверх, но он быстро взял себя в руки и они вновь вернулись на свое место. Но судя по всему, до конца он успокоиться так и не смог: правая нога начала выбивать частую дробь на сухой и твердой, как камень земле. Да и плотно сжатые, побелевшие губы его тревожное, или даже напряженное состояние, подтверждали.

Было заметно, что у него, после услышанного, созрели вполне закономерные вопросы, и он сгорает от нетерпения и желания их озвучить. Но его останавливает данное обещание не перебивать изложения, возникших у товарища тревог по благополучному завершению операции. Но все — таки не сумел совладать с собой: это подтвердил его слегка хриплый тембр голоса:

— Вадим! Мне казалось, что за время нашего с тобой знакомства я изучил и знаю тебя. Твой характер, темперамент, твои убеждения и наклонности для меня не являлись тайной за семью печатями. С большим и явным сожалением вынужден признаться, что я ошибся. Слишком высоко оценивал свои способности в психологии!

Честно скажу, что мне приходили в голову подобные мысли. И движемся мы к развязке операции, с какой — то черепашьей скоростью, с излишней деликатностью ко всяким охотникам за твоей головой. Да и группа, прикрывающая нас и обеспечивающая все наши передвижения по Слепцовской станице, по моему разумению, могла бы работать много активнее и надежнее!

Да, все так! У меня роились тревожные мысли, но я их никогда не озвучивал! Я все списывал, и списываю сейчас, на свой мизерный, куцый опыт работы в качестве контрразведчика. И хоть убейте меня, но я не верю в отсутствие боевого опыта у наших прямых командиров и начальников. А тем более в их преступно — халатном отношении у своим служебным обязанностям!

Не верю и еще раз не верю! И поэтому вслух своих сомнений не высказываю. Хотя и бытует мнение, что контрразведчики во всем мире — самый неверующий и самый сомневающийся народ!

Лично для меня легче обвинить всех руководителей операции в прямом предательстве служебных интересов и работе на иностранные спецслужбы, чем в некомпетентности и разгильдяйстве: — Кирилл демонстративно — показательно достал пачку сигарет из кармана и, не скрывая удовольствия, закурил:

— Вадим! Мой тебе искренний совет: постарайся по возможности сдерживать свои эмоции. А если у тебя возникли какие — либо сомнения, подозрения или дельные предложения по изменению хода операции — озвучивать их напрямую тем людям, которые могут их оценить. А при необходимости, если они посчитают их дельными — срочно внести нужные коррективы.

А обсуждать их с такими участниками операции как мы с Имкой, даже если мы с тобой солидарны, толку все равно — ноль и ноль в периоде. Вадим, молча, посмотрел вначале на Кирилла, а после него на Имрана. Оба выглядели как нельзя собранными и серьезными. Без

всяких слов было понятно, что к его сомнениям и настороженности они относятся с пониманием и без обычного зубоскальства. Затем отвел взгляд в сторону, и некоторое время стал рассматривать облупившуюся краску на соседней скамейке. Разговор между ними прервался и на некоторое время повисло какое-то тревожное и неловкое молчание. Его прервал Имка:

— Я, конечно, по всем понятиям меньше всех имею прав на то, чтобы высказывать свое собственное мнение по ходу операции. Слишком мало знаю и слишком мало видел. Но, тем не менее, я все — таки скажу и ты, Вадим, не обижайся, если услышишь что — то обидное для тебя.

Поверь, Вадик: я даю честное слово, что совсем не собираюсь тебе льстить и тем самым завоевывать доброе отношение ко мне. Меня и сейчас все устраивает. Я горский мужчина и у нас ингушей не в почете лезть и всякие, розовые слюни! Времена беков, баев и эмиров которых славит их свита, давно прошли. Да и ты не бек и я не вхожу в твою свиту. Поэтому буду говорить честно и только то, в чем уверен: — Пока Имран говорил — он ни разу не посмотрел на Вадима, но это лишь подчеркивало серьезность им сказанного:

— Вадим! Я очень доволен тем, что вновь с тобой встретился спустя столько лет. Я горжусь, что мой друг — Герой России! Более того: самым хлебом тебе клянусь, что ты для меня больше чем друг — ты для меня брат! Брат еще с тех далеких, детских пор, когда ты вступился за меня в жестокой драке. Не побоялся двух шайтанов с кастетами! Ты только по крови мне не родственник, а во всем остальном — ты мой родной, настоящий брат:

— Имка, от сказанных слов разволновался, даже красные пятна на скулах выступили! И, наверное, поэтому говорил с неожиданно появившимся мнимым «кавказским», растиражированным кино и телевидением акцентом. И не свойственным ему высокопарным слогом!

— Так вот, брат! Сегодня я с тобой не соглашусь. С Кириллом я соглашусь, а с тобой — нет! Говоря о недоработках и странностях, которые, по твоему мнению, имели место при проведении начальной части операции — может быть ты и прав. Может быть! Это хорошо, что ты такой внимательный и болеющий за результат. Хорошо, что ты, сам участвуя в операции, смотришь на неё как — бы со стороны и с небес!

Когда я играл за «Терек», к нам в Грозный из Одесского СКА перешел один парень — Олег. Фамилию называть не буду, он еще и сейчас в высшей лиге стучит. В «Тереке» он играл в защите и играл не плохо, но не стабильно. Были случаи, когда он срывался, брал игру на себя и пытался руководить всей обороной. И если при таком раскладе нам забивали гол — после окончания игры винил всю команду, вместе с тренером.

При этом забывая, что он сам нарушал все тренерские установки, которые тот давал нам во время игры с тренерской скамейки. А свои указания раздавал ребятам в защите на основании своего видения игры, находясь непосредственно на поле.

К чему это я? А к тому, что давать оценку текущим результатам операции, принимая непосредственное участие в ней и находясь при этом в самой гуще событий — не совсем правильно. Ты находишься не просто близко к котлу, где варится контрразведывательная похлебка, ты находишься внутри котла!

Вернусь опять к футболу. Если тебя не устраивает ход матча и счет в игре, и ты принимаешь решение взять инициативу в свои руки — нельзя забывать правила игры и то, что они обязательны для всех участников, и что их нарушать и тебе нельзя. Результат игры зависит от

всех. А ты, Кирилл, как старший по званию, должен был за этим следить: — Вадим дернулся как от удара и резко поднял правую руку, согнутую в локте, вверх. Как школяр за партой:

— Чего ты несешь? Ты хочешь сказать, что я забыл о дисциплине и нарушил правила игры? Глупость! Приведи пример! Хотя бы один!: — Вадим явно не ожидал таких слов от Имрана. В глазах плескалось недоумение. Он даже встал во весь рост. Благо, что не хватал товарища за грудки:

— Пример? Пожалуйста: — Имка улыбнулся во все тридцать два зуба, стараясь успокоить и остудить закипевшего друга. При этом в темных глазах его, начали проскакивать какие — то искорки:

Пример — первый: из одного из ваших разговоров с Кириллом я понял, что известить нас с дедом о том, что за твоей головой организована охота по указанию арабского миллиардера, ты лично мог много раньше. Еще до той засады, устроенной на вас и моих бойцов неизвестными людьми, когда мы глубокой ночью возвращались из поездки на встречу к своему командиру — «Уралу». Вспоминаешь?

Так вот: как я понимаю, хотя ты был младшим по званию, но по положению и статусу — инициатива в действиях в станице принадлежало тебе! Разве не так?: — И сам ответил на свой вопрос: — Так!

Тогда вопрос: разве «Урал» или Кирилл несут ответственность за то, что на вас напали? За гибель моего помощника — Вахи? Понятно, что за отражение атаки неизвестных и их уничтожение, молодец оказался — ты! Тебя этому хорошо учили и тебе почет и слава! Но кто виноват в том, что вы допустили настоящую, ночную бойню в мирной станице? И в которой погиб мой помощник?

Случилось это, если бы ты верно оценил обстановку и оповестил нас о возможной охоте за твоей головой? Я в этом сильно сомневаюсь! Обладая информацией о твоей «популярности» среди любителей заработать на чужой крови, мы бы с дедом приняли необходимые меры предосторожности. В станице мы с ним не последние люди!

А ваша с Кириллом неожиданная поездка на «заслуженный» отдых по местам детской памяти: на речку «Сунжа»? Причем, не согласовав её с «Волгарем» — Тимониным, командиром группы вашего прикрытия? Будь мы в курсе твоих проблем и вашего желания позагорать и попить пивка на природе, не только «Волгарь, но и мы с дедом приняли бы необходимые шаги и действия по обеспечению вашей безопасности. В этом тоже есть не профессионализм «верхов»? Или твоя недоработка?: — Ответа не последовало.

Глава 6

Первые двое суток после расстрела своих сослуживцев и захвата КУНГа с совершенно секретными документами новейшей, загоризонтной РЛС стали самыми кошмарными и трудными сутками в жизни кандидата технических наук, бывшего капитана Советской Армии, начальника отдела конструкторского бюро Киевского института радиолокации и сына ответственного работника МИД СССР — Сивко Игоря Семеновича.

Сейчас, по прошествии стольких лет, события в Бамутском укрепрайоне, ничуть не потускнели в памяти и острой занозой в мозгу продолжали провоцировать постоянные, ночные кошмары. До мельчайших подробностей, без его желания, память восстанавливала хронологию событий, произошедших в Бамутском лесу, вблизи от древней крепости имама Шамиля.

Стоило ему погрузиться в сон, как память услужливо, в красках восстанавливала картину превращения бывшего капитана ВС РФ, ответственного за хранение совершенно секретной документации по новейшей, загоризонтной РЛС — в кровавого убийцу, предателя Родины, Государственного преступника и торговца военными и Государственными тайнами. И от этих картинок он просыпался в поту, долго не мог уснуть заново, и избавиться от кошмара долго не удавалось. Мозг сам по своему желанию рисовал обсчитановку того времени.

Может час, а может три, а может и тридцать минут Игорь сидел, привалившись спиной к пыльному колесу автомобиля ЗИЛ — 131А и тупо разглядывал, отвесный, густо поросший ключей ежевикой склон невысокой сопки, у подножья которой проходила лесная дорога.

В голове мыслей не было вообще. Кроме одной: самая трудная, по его мнению, часть грандиозного плана — оказалась вовсе не трудной. Более того: можно сказать, что она вообще не потребовала усилий и прошла быстро, на ура. Но радости и удовольствия от этого, почему — то, не испытывал. Только бесконечную, тупую, тягучую как жвачка, усталость.

Дорога подходила к ежевичной горе вплотную. Можно сказать, что она являлась частью её. Между малоезженной колеей и зарослями ежевики даже кювета не было: полоса шириной в два шага, засыпанной речным щебнем земли — и вот они крупные, блестящие, черные ягоды. Только не ленись, собирай, сколько тебе надобно и ешь, пока оскомины не сведет скулы.

Но смотреть на эту полосу Игорь не мог. Никакая сила не могла заставить, теперь уже бывшего старшего автомобиля с сов. секретной литературой и командира малой группы военнослужащих, выделенной для её охраны, опустить свой взгляд вниз. Никакая!!! Никакая!!!! Потому, что на этой самой, свободной от растительности земли, бесформенными бугорками в камуфляжной окраске лежали водитель автомобиля ЗИЛ — 131А и двое бойцов, выделенных в распоряжение Игоря для охраны совершенно секретной литературы. То есть именно те люди, которых он совсем недавно лично расстрелял из автомата салаги — водителя, взятого у него, без всяких объяснений, из кабины ЗИЛа..

Игорь потянулся за очередной, неизвестно какой по счету сигаретой и с удивлением обнаружил, что пачка «Явы» уже опустела. Во рту было, что говорится — «будто кошки насрали», но все равно курить хотелось невыносимо. Игорь знал, где можно разжиться куревом. Собрал все силы в кулак, сплюнул, кислую от никотина слюну и, стараясь смотреть только на собственные ботинки, подошел к левому от себя «холмику».

Он хорошо помнил, что крайним левым в «расстрельной» шеренге стоял водитель по имени Сергей: невзрачный, физически недоразвитый, деревенский парень. И еще помнил, что минут за десять до остановки у этого, страшного места, Серега закуривал из полной пачки сигарет «Наша марка», а после положил её в нагрудный карман, провонявшей бензином, черной куртки танкового комбинезона. Как не верти, а вожделенная пачка никуда из кармана деться не могла. Слишком мало прошло времени.

Несколько минут Игорь шумно сопел, хмурился, старался унять мелкую дрожь в теле и чем ни будь заполнить чувство звенящей пустоты в голове. Но у него получалось плохо. Вернее — совсем не получалось. На помощь родилась и поселилась в голове, казалось бы, спасительная мысль: — Нечего корить себя, сыпать соль на живую рану и выть волком на луну от страха! Что сделано — то сделано! Уже ничего изменить нельзя!

А то, что страшно и в душе полный раздраз — то так и должно быть! На самом — то деле: не палач он! И не профессиональный убийца! Его этому никогда не учили! Слава Богу, что все — таки решился! Что все — таки не дрогнул и сумел! Это самое главное, а остальное всего лишь реакция организма на пролитую кровь. И тут же одернул себя; не надо было поминать Бога! Как не верти, а убийство все — таки от Дьявола и Бог здесь не причем!

Вплотную подойдя к убитому, лежащему лицом вверх солдату, Игорь некоторое время стоял, набираясь решимости, а затем с огромным трудом согнул ноги и опустился на колени. Взгляд невольно скользнул по лицу мертвого водителя и поразил его. Показалось, что сублильный Сергей теперь сублильным не выглядел: он как бы повзрослел и возмужал. Чего, конечно, быть не могло!

Левый карман куртки, в который водитель прятал сигареты, был липким от вытекшей крови. До скрипа сжав зубы, Игорь кое — как пересилил себя и огромным усилием воли заставил засунуть в него большой и указательный пальцы. Пачка была на месте, и он осторожно вытащил её наружу. Кровь внутрь неё не просочилась, но оба пальца, а затем и вся ладонь мгновенно стали красными от неё. Игорь поспешно извлек сигарету и сунул её в непослушные губы.

Чиркнул зажигалкой, но прикурить не успел: неожиданный приступ тошноты, родившийся где — то глубоко в его организме, кислым, вонючим цунами рванулся наружу, выбил сигарету изо рта и размазал кровь по ладони.

Игоря согнуло пополам и даже больше. Казалось, что желудок вместе с пищеводом покидают тело. Чтобы не упасть, он снова опустился на колени и уперся в землю широко расставленными руками. Непроизвольное рычание, сопровождающее рвоту, можно было услышать на расстоянии сотни метров.

Приступ терзал организм довольно долго, то затихая, то вновь наваливаясь и пылесосом высасывая жизненные соки из измученного тела. Вскоре рвота ограничилась только звуками: желудок был пуст, а желчь тоже закончилась. Когда рвотные позывы все — таки прекратились, Игорь тяжело завалился на бок. Испачкать обмундирование в рвотной массе он не боялся: её почти не было. Зато крови, из остывшего трупа водителя, натекло значительное количество. К счастью, до лежащего человека лужа не доставала.

Немного придя в себя, Игорь отполз в сторону, перевернулся на спину. Не очень свежим носовым платком долго вытирал рот и подбородок, затем переключился на руки. Убедившись, что пятен крови на них теперь нет, дрожащими пальцами достал следующую сигарету и закурил и неожиданно успокоился.

Хотя, успокоился — это очень громко сказано! Просто в голове возникла и уютно разместилась простая, как саперная лопата мысль: все самое страшное позади! Я смог! Я не дрогнул! То, чего я больше всего боялся, произошло и самое страшное позади! Я не какой ни будь хлюпик, я — настоящий мужик! И я свой шанс, о котором ему говорил покойный отец, не упустил!

Эта мысль заглушила робкие сомнения в правильности того, что недавно здесь произошло и деликатное возмущение, все еще дремлющей, совести. Но стоило ему увидеть, лежащий у колеса автомобиля автомат АКСУ водителя, из которого он расстрелял бойцов, приданных ему для охраны «секретки», как рвотный позыв согнул его снова, Слава Богу, что желудок был пуст, и позывы очень быстро затухли. Но моральные угрызения остались. Более того: они начали неотвратимо перерождаться в неподконтрольный человеческому сознанию, набегающий волнами животный страх!

День далеко перевалил за середину. Еще через час или полтора, и на лес, горы и дорогу быстро упадет темная, беспросветная, как это всегда бывает на Кавказе, ночь. Сиди, не сиди, а надо что — то предпринимать. Дорога, конечно, малоезженная и безлюдная. Если раз в неделю, а то и в месяц, по ней проедет транспорт пчеловода или рыбака — и то хорошо!

В этой части леса местные жители старались вообще не появляться без крайней нужды! Район древней крепости имама Шамиля и недавней ракетной базы, имели статус запретной зоны! Но все равно: рисковать не имело смысла. А вдруг? То, что здесь произошло — не для посторонних глаз!

Выкурив еще пару сигарет, Игорь, огромным напряжением воли, заставил себя приступить к уборке территории, на которой произошла трагедия. При помощи солдатской плащ — палатки, которую на всякий случай хранил в «секретке», он перетащил трупы убитых солдат к лесенке в КУНГ. Затем, прилагая титанические усилия, умудрился затащить бойцов из роты охраны внутрь КУНГа. Труп Сереги — водителя положил возле кабины, между передних колес его же автомобиля. На время. Так нужно было поступить согласно его, продуманному и многократно просчитанному в голове, плану. Автомат, в котором он заменил полупустой магазин на полный, он вернул в кабину, на место водителя.

Глава 7

Вадим, плотно сжав губы, неотрывно смотрел, на говорившего Имрана. Точно также он не отрывал взгляда от Кирилла, когда тот высказывал свое мнение по ходу операции. При этом он в точности напоминал боксера на ринге, который совсем недавно пропустил сильнейший, нокаутирующий удар. Или на футболиста, который устанавливает мяч в центральном круге, после пропущенного гола в свои ворота.

Более того: создавалось стойкое впечатление, что Вадим сейчас пребывает в состоянии крайнего недоумения от происходящего. Такого, что оно заставило его позабыть разумную речь и лишило его способности защищаться и возражать: — Имран пришел ему на выручку:

— Вадим, спокойно! Будь мужчиной, держи себя в руках. Может, ты посчитал, что я тебя обидел? Нет, брат и еще раз нет! Я просто высказал своё мнение, свое видение! Но не обстановки, не хода операции, а своё мнение о том, что ты сказал, а я услышал!

Вспомни, я совсем недавно сказал, что пока не имею права даже заикаться про операцию, а тем более критиковать, как она организована и проходит. Если ты этого не понял и обиделся — хрен с тобой!

Брат! Ты не забывай, что ты не барышня в сарафане на лужайке с барашками. Ты — офицер и Герой России. Брат! Загони все свои обиды глубоко и надежно в память, а когда наступят спокойные времена, вспомнишь о них и если захочешь, то вернешь их и выскажешь вслух: — Его живо поддержал Кирилл:

— Верно говоришь, Имка! Верно, и справедливо! Вадик, вот бы ты сейчас увидел себя со стороны! Ну не похож ты сейчас сам на себя! Если ты не согласен с тем, что мы с Имкой тебе говорили — возрази и разъясни нам в чем мы не правы! И не надо надувать губки и не отворачивайся от нас, как восьмиклассница при виде голого мужика — Имран фыркнул на манер жеребца:

— Чего ты несешь, Кирилл! Где ты встречал таких скромных восьмиклассниц? Если только у нас на Кавказе. А у вас в городах в восьмом классе девочек, не познавших мужские ласки, наверное, уже не встретишь!: — Вадим резко развернул лицо к Имрану:

Не хами «Пеле»! Ты лучше вспомни: в каком возрасте вашим «восьмиклассницам» Коран разрешает выходить замуж? Как в народе говорят — чья бы корова мычала, а твоя бы молчала! У вас мало кто из девочек до восьмого класса посещает школу: их еще в шестом классе лихие джигиты умыкают себе в жены!

Имран картинно задрал вверх подбородок, пытаясь так выразить крайнюю степень, как — бы негодования. Правда, вышло не очень правдоподобно. Актер из него точно не получился: Ты — прав! Ну и что с того? Тут главное слово — умыкают себе в жены, п это означает замуж, в семью!

Тут речи о разврате и близко нет!

И давай не будем спорить и друг — друга в глаза колоть: одно дело выйти замуж в четырнадцать лет и совсем другое ноги раздвигать неизвестно для кого: — И неожиданно подмигнул левым глазом Кириллу. При этом постарался, чтобы Вадим этого не заметил.

И Кирилл мгновенно понял смысл подмигивания Имки: он самым примитивным образом смещал акценты сегодняшнего разговора в сторону, тем самым предотвращая возможную ссору между друзьями. Лучше мы будем спорить по поводу ранней потери девичьей чести, чем ломать копья, оспаривая и критикуя действия своих командиров. Но перестраиваться на тему, предложенную Имраном, он пока был не готов и поэтому предложил свой вариант выхода из создавшегося, щекотливого положения:

— Друзья мои любезные! Рыцари плаща и кинжала! Достойные потомки легендарных «СМЕРШевцев»! Давайте оставим до лучших времен заботы о моральных устоях наших тинэйджеров женского пола. Эта тема не горит и пока не требует нашего с вами немедленного вмешательства.

Не будем уподобляться австралийским страусам, которые при возникновении любой сложной ситуации прячут головы в песок. Что бы мы ни говорили, как бы мы не заглаживали острые углы в наших, сегодняшних разговорах, но нам следует признать: что в рассуждениях Вадима есть некоторая доля истины. Разве не так? Вы со мной согласны?

А раз так — то я предлагаю: при первом же появлении в нашем расположении Киселенко или Кудинова, я обращусь к ним я просьбой выслушать нас и ответить на возникшие у нас вопросы. Если, конечно, оперативная обстановка будет нам благоприятствовать. Думаю, что непосредственный командир, который сейчас находится с нами — «Урал», тоже окажет в этом помощь: — Имран вдруг заволновался и даже поднялся со скамейки:

= Вот это было бы очень правильно! Я обязательно выскажу им свои предложения. Слушайте: почему они не учитывает мое участие в операции? Почему не хотят использовать возможности моего деда и мои лично?

Они не знают, что мы с дедом имеем своих людей не только в Сунженском районе, но и по всей Ингушетии? И у этих людей тоже есть свои люди, которых мы можем использовать в наших целях! Почему вы так надеетесь на свои блок — посты? Они малочисленны, выставлены только на больших дорогах, и обойти их не составляет большого труда!

И не будем гневить Аллаха, и честно признаемся: «вованов»*, что несут службу на этих постах, за ящик водки можно попросить прикрыть глаза на время проезда любого транспорта. Не всех, конечно, и не на всех блок — постах, но на некоторых — запросто!

И еще: я бы предложил создать подвижную группу, которая бы действовала совершенно самостоятельно!

*«Вованы» — военнослужащие внутренних войск МВД России.

Кирилл с Вадимом с неподдельным интересом слушали Имрана. Выражение их лиц были предельно серьезными и напряженными. А Имран, совсем не обращая на них внимания, продолжал:

— Эта группа должна быть совсем не большой: она не должна привлекать к себе внимание посторонних! Пять — семь человек самое большее и на неприметном, местном транспорте.

Например: вас двое, конечно — я и еще пара моих доверенных бойцов. Почему моих? Потому — что четверо «русаков» и всего один ингуш — такая группа уже сама по себе вызывают интерес и недоверие. Трое ингушей плюс двое «русаков» в одной компании — дело совсем другое!

Вся информация к нам от вашего командования и от наших с дедом людей поступает напрямую, то — есть немедленно. И в зависимости от неё мы начинаем действовать. О совершенных нами шагах мы, конечно, в срочном порядке докладываем руководству. Как вам такой расклад?

Молчание длилось довольно долго. Нарушил его Кирилл: — А что? По — моему мнению, дельное предложение. Если его детально проработать и учесть, какие только возможно, нюансы и мелочи — картина вырисовывается очень даже завлекательная. Командование, как мне кажется, может пойти навстречу и одобрить замысел Имки — У Имрана на щеках проявились розовые пятна румянца. Еще бы: его предложение друзьями одобрено!: — Вадим поскреб затылок:

— Если сработает та часть твоего плана, в которой ты говорил о дополнительной информации от ваших с дедом людей, то с совокупностью с тем, что мы сейчас имеем, мы сможем натворить много славных дел: — В подтверждении своих слов он громко хлопнул в ладони. Звук получился сродни выстрелу из РПГ.* Итог попытки обмена мнениями подвел Кирилл:

— Все, «комрады», давайте заканчивать наши с вами посиделки. Пора начать подготовку к отъезду с этой, гостеприимной территории. Не забывайте, что мы сейчас загораем на площадке, которая принадлежит обычной школе. А она предназначена для обучения детишек. Спецназ греть пузо должен в другом месте. Вам, надеюсь, не надо напоминать, что через два дня наступит 1 сентября, а это день начала нового учебного года. Так — что пошли готовиться к переезду. Надо сделать все, чтобы наших следов в школе не осталось!

Во второй половине дня подполковнику Андришину поступила команда на передислокацию боевой группы в бывший пионерский лагерь, а теперь кемпинг, что находится в поселке городского типа Карабулак. Вадим знал этот пионерский лагерь. В пятом или в шестом классе дед Володя его туда определял во время летних каникул на одну смену.

Главное достоинство при нынешней обстановке — обособленное положение: прямо на берегу Сунжи и в километре от самого поселка.

*РПГ — Ручной Противотанковый Гранатомет.

Глава 8

В бывшем пионерском лагере, в прошлые, Советские времена принадлежащему Карабулакскому НПЗ, а в настоящие времена — частный придорожный кемпинг для уставших «дальнобойщиков», проезжающих по трассе Ростов — Баку. Правда, уставших «дальнобойщиков», впрочем, как и отдохнувших, в настоящее время на трасс почти в не наблюдалось. Желающих проезжать по дороге, ведущей в Чеченскую Республику, даже под конвоем военных, не было. Поэтому кемпинг был абсолютно пуст, если не считать штатского сторожа в будке на въезде.

О скором прибытии в лагерь группы военных, и вселении их в пустующие, шестиместные домики, сторож и охранник в одном лице был заранее предупрежден и когда они приехали, то ничуть не удивился: молча, открыл хлипкие ворота, прислонился задом к столбу шлагбаума и, казалось, задремал. Но когда с ним поравнялась, въезжающая на территорию автомашина со спецназовцами, неожиданно принял строевую стойку и откозырял по всем правилам.

Сидящий в кабине грузовика подполковник Андрияшин, чисто механически ответил на приветствие и только потом удивился поведению старика. Следующий раз он удивился, зайдя в коморку сторожа: половину единственного окна закрывали мешки с песком. Возле топчана стоял пулемет РПД*, с пристегнутой патронной коробкой. А на офицерском ремне охранника, прикрытом клетчатой рубахой на выпуск, он заметил кобуру с АПС**.

Да и стариком охранника можно было назвать с очень большой натяжкой: ему было не больше сорока лет. Старила его многодневная, неухоженная щетина, предельная худоба и то, что он хромал на левую ногу. При появлении в его жилище вооруженного военного, он сделал шаг навстречу и четко представился:

— Капитан запаса Динаев Заурбек — морская пехота, Балтийский Флот, Клайпедская бригада: — Андрияшин пожал ему руку, пристально глядя в лицо сторожа:— Рад приветствовать хозяина приюта. Я — «Урал». По другому варианту представиться не имею возможности. Мы, лично к вам в гости. Так наше московское начальство распорядилось.

Постараемся не причинять вам неудобств и долго задерживаться в гостях не собираемся. На комфортное жилье мы не претендуем: хватит крыши над головами, огня для приготовления пищи и площадки для размещения нескольких автомобилей. Они прибудут несколько позже.

Полную охрану периметра и всей территории вашего кемпинга мы готовы взять на себя: обеспечим собственными силами. К вам всего лишь одна и единственная просьба: на время нашего здесь проживания — других, посторонних людей в кемпинге быть не должно. Этот запрет действует на весь обслуживающий персонал. Да что я вам объясняю? Вас должны были обо всем этом оповестить! Ну а в остальном, если понадобится, все вопросы будем вместе согласовывать.

*РПД — Ручной Пулемет Дегтрева калибра 7,62 мм

**АПС — Автоматический Пистолет Стечкина калибра 9мм

Размещение боевой группы на новом месте не требовало много времени и заняло не более часа. Аккуратные, словно кукольные, деревянные домики были рассчитаны на проживание шестерых детей. Во всяком случае, именно столько миниатюрных кроваток стояло в един-

ственной комнате каждого домика. Попытка уложить любого бойца спецназа на такую койку выглядела не решаемой проблемой и ничего кроме улыбки не вызывала

Решили её просто и изящно: кровати из пяти домиков снесли и втиснули в один, поменяв их на привычные, спальные мешки. Один «теремок» занял под штаб и персональное жильё подполковник Андрияшин, как это и полагается командиру группы. Остальные три — бойцы боевой группы, по шесть человек на домик. В последнем, пятом домике, в гордом одиночестве разместились заместитель Андрияшина, капитан Наконечнюк — «Циган» и штатный «айболит» группы капитан Караваев — «Док».

Персональному «комфорту» этих даоих никто не завидовал. Более того: такому размещению все остальные бойцы были очень довольны. Ну, еще бы: спать в помещении, где всю ночь, одновременно, работают два мощных, реактивных двигателя — удовольствие ниже среднего! Все бойцы знали, что храп и одного и другого по силе ничуть не уступал реву реактивного движка при запуске. И никакие ухищрения, как — то: портянка на лицо, встречный свист, прищепка на нос и локоть под ребро — успехов не имели. А если и имели, то на несколько минут!

После того, когда все способы заглушить движки использованы, а продолжить сон, возможности нет — остается один выход: покинуть помещение и переждать кошмары ночи на свежем воздухе.

Вместе с Кириллом, Имраном и Вадимом в домик поселилась, ранее прикрывавшая их в станице Слепцовкая, боевая тройка старшего лейтенанта Кости Тимонина — «Волгаря» и старших прапорщиков Саши Абрамова — «Синай» и Жени Стамбулиди — «Олимп». Шесть спальных мешков в пустом, кукольном домике занимают почти все свободное место. Но это было неважно. Важным было то, что среди постояльцев этого домика виртуозы храпа не значились.

:И вообще: сегодня, всех их шестерых можно было назвать счастливыми. Поскольку никто из них в первый, ночной караул на новом месте, по счастливой случайности не попал.

В семь часов утра заработали динамики внутренней связи, установленные в каждом спальном домике бывшего пионерского лагеря. Радиоузел кемпинга голосом Андрияшина пожелал всем доброго утра и объявил общее построение перед завтраком ровно через час. Кирилл, хотя прослыл закоренелым «совой», то есть тяжелым на подъем, покинул спальный мешок одним из первых:

— Эх, хорошо то как! Ну, прямо в детство вернулся! Жаль, что не объявили линейку и подъем флага! И не понятно: во сколько сегодня планируется пионерский костер с песнями и танцами? Если не очень поздно, то я пойду в первых рядах. Строем, с горном и барабаном! А чтобы показать вам какой я добрый и компанейский — милости прошу примкнуть к моему строю!

Объявленного построения, в полном значении этого слова, не состоялась. Сразу после завтрака, который состоялся в летней, открытой толовой, стены которой были обильно расписаны сюжетами на пионерскую тематику, боевая группа в полном составе проследовала в кинотеатр, опять же летнего типа. Стен в нем не было, и между зрительскими рядами свободно гулял теплый ветер.

Для размещения всех бойцов с лихвой хватило двух передних рядов. Сцены как таковая, отсутствовала. Киноэкран от зрительного зала отделяла узкая, деревянная площадка, полутора метра высотой, покрытая поверху светлым линолеумом.

Рассаживались на узкие, неудобные креслица компактно и в строгом соответствии с расселениями по комнатам, хотя такой порядок никто не требовал. Еще не все заняли места, как появившийся на входе в кинозал заместитель командира группы капитан Наконечнюк — «Цыган», зычным голосом объявил, что командование срочно вызывает Левочкина в радиозел. Кирилл удивления не проявил и спешно убыл в указанное место.

Левочкин отсутствовал не менее тридцати минут. Собравшиеся в кинозале спецназовцы, не получив никаких дополнительных указаний, терпеливо сидели в неудобных креслах и в полголоса травили анекдоты. Заняв свое место, на молчаливый вопрос Вадима удовлетворенно показал большой палец и добавил шепотом: — Все отлично! Поговорили о нас. Выйдем отсюда — доложу подробности:

— Вадим что — то хотел уточнить, но Имран цикнул и зашипел подобно змее: в зале появился подполковник Андрияшин — «Урал»:

— Задерживать вас не буду: обстоятельства у нас изменились. Необходимость, в объявленном утреннем построении, сейчас отпала. Возможно, оно будет перенесено на более поздний срок и вас оповестят об этом дополнительно.

Сегодня, во второй половине дня, ожидается внеплановый приезд полковника Киселенко. Причина этого приезда мне неизвестна, а гаданию я не учен. Приедет — расскажет.

Вас, товарищи офицеры, я обязан предупредить: настраивайтесь и будьте готовы к любым неожиданностям, к любым вводным. А поэтому, советую не расслабляться. Напоминая вам, что проживание в «царских» условиях в кемпинге и нынешняя, райская «половая» жизнь — ситуация временная. А прогулки с полной, боевой выкладкой по горам, лесам и полям — вещь постоянная!

Сегодня, после того как вы покинете этот кинотеатр, проверьте и приведите в порядок лично оружие, носимый боекомплект и экипировку. Конечно, мы не будем готовиться к параду или строевому смотру, но если Киселенко захочет посмотреть в лицо каждому бойцу нашей группы — не очень бы хотелось выглядеть сборищем бомжей, приживающих в районе Черкизовского рынка: — «Урал» снял свои любимые очки пробежал взглядом по креслам и снова укрыл глаза за стеклами «хамелеонов». — Надеюсь на вашу сознательность и построений для смотра больше не планирую. После обеда «Цыган» объявит состав ночного караула: — Выдохнул:

— Все свободны. Отдыхайте: — Хитро усмехнулся: — Работайте!

Глава 9

Покинув вместе кинозал, толпа быстро поредела: у некоторых бойцов нашлись дела в своих домиках, остальные разместились на перекур, но каждый строго возле своего теремка. Вадим с Имраном, заметив сигналы Кирилла, отправились следом за ним в сторону речки Сунжи, протекавшей метрах в тридцати, сразу за оградой кемпинга.

К звонко журчащей по камням, но скрытой зарослями воде, близко подходить не стали. Расположились на невысоком, поросшим яркой, сочной травой берегу. Сбросили камуфляжные, остро пахнущие потом куртки и с удовольствием растянулись на мягкой подстилке, немного притоптав траву.

Все закурили «Яву» из пачки Имрана и минуту, молча, пускали дым в небо. Кирилл сморщился, по — особенно сложил губы и с силой выпустил длинную, тонкую струю дыма. При этом его рот стал походить на куриную гузку. Вадиму такой фокус пришелся по душе. Стараясь не обидеть Левочкина смехом, напоминающим конское ржание, набрал полную грудь воздуха, задержал дыхание и даже покраснел от натуги.

Но до конца скрыть «восторг» от чудной мимики Кирилла, создавшему куриную гузку, не случилось: если удалось запереть набранный в грудь воздух в горле, то в другом конце туловища это сделать оказалось невозможно. Лишенный свободы дух, найдя альтернативный выход их замкнутого пространства, с «радостным», оглушительным рокотом рванулся наружу.

Звук был такой силы, что сидевший на траве в позе лотоса Имран, от неожиданности завалился на спину. А у Кирилла так широко открылся рот, что вывалившаяся из него дымящаяся сигарета упала ему на голую грудь.

Мгновенно возникла всеобщая «движуха»: Имран беспомощно дрыгал скрещенными ногами, стараясь принять вертикальное положение; Кирилл хлопал себя по груди и животу, избавляясь от крошек горящего табака! А виновник всего этого Вадим корчился, обеими руками поддерживая пузо, смеялся, повизгивая, и пытался хоть как — то успокоиться. Но у него ничего не получалось!

Эта вакханалия длилась не менее двух минут. Но даже безумное и истеричное веселье когда — ни будь, да кончается. Успокоились. Отдышались. Вновь закурили. И все молчали. Как будто каждый давал оценку своему поведению. Кирилл щелчком выстрелил окурком в сторону речки:

— Что — то я не слышу аплодисментов в свой адрес. Громовые овации Вадима не в счет! Чувства гордости за себя, любимого, не вызывают! Много запаха и шума, а толку — ноль. Так — что хвалите меня. но простыми словами и без утробных салютов: — Имран смотрел на него с заметным удивлением, а вот Вадим сразу догадался о причине игривого настроения друга:

— Ладно, триумфатор, колись! Я так понимаю: ты сегодня сумел по душам поговорить с командиром? С «Уралом»? И торопишься поделиться с нами хорошими новостями? Я прав?

— Ну, с вами неинтересно! Вас даже удивить не удастся! Могли бы хоть для вида затылки бритые почесать, да глубокомысленными вопросами меня забросать! Я бы тоже для вида поко-

кетничал, время потянул, да цену себе набил! И только потом снизошел до ваших молитв: — И вдруг, будто неведомый художник, в одно мгновение стер улыбку с его лица:

— Все верно! Мне удалось без посторонних ушей и других помех поговорить с Андрияшиным. Вызывал он меня по вопросам, связанными с тем, чем я занимался в штабе КТО в Ханкале. Про это вам не интересно и знать вам не надо.

Поскольку я был не в курсе, каким временем обладаю и поэтому наши с вами сомнения в том, как проходит операция ему не озвучивал. Я уверен, что ответы на такие мои вопросы нисколько не отразились бы на событиях, которые происходят в настоящее время. Согласитесь, что каждый заданный вопрос должен соответствовать своему времени. Иначе ответ на него будет простым бла — бла — бла. Просто бесполезно потраченным временем.

Поэтому в разговоре с ним я сосредоточился, на предложенных инициативах, которые озвучил Имран. И честно скажу: «Урал» выслушал их с огромным вниманием. Более того: он высказал некоторые уточнения и изменения в предложении Имрана! Например — он сразу предложил увеличить нашу мобильную группу быстрого реагирования. До десяти человек.

Например: нас трое, плюс тройка «Волгаря», плюс пара — тройка бойцов Имрана и еще доктор, без которого боевая группа — не группа. И в составе группы, для мобильности, должен быть микроавтобус, наподобие нашей станичной «буханки», но с водителем — спецназовцем.

Одним словом — «Урал» предложением Имрана заинтересовался всерьез. Но сразу предупредил, что самостоятельно такой вопрос решить не сможет. Это не его уровень! Сегодня во второй половине дня к нам в гости должен будет нагрянуть полковник Киселенко, а вот он этот вопрос решить может: его уровень.

Нам же надо быть готовыми сегодня предстать перед ясны очи высокого мосеевского начальства. Всем троим. Полковник может вызвать каждого поодиночке, а может и всех троих вместе.

Короче, я вот что предлагаю: сейчас возвращаемся в домик, как приказывал «Урал» — проверяем снаряжение, оружие и боезапаса, а потом обед. После него на часок залегаем и маскируемся в спальнях мешках и затем ожидаем приглашения в штабной теремок. Если согласны — давайте одеваться и вперед восвосяи!

Сборы долгого времени не потребовали. Вадим долго смотрел в сторону близкого берега Сунжи. А отличии от станицы, в поселке Карабулак русло речки было узким, берега высокими, крутыми и густо заросшие колючими кустами и раскидистыми плакучими ивами. С того места, где они загорали на траве, воды было не видно. Вадим задумчиво протянул:

— Если бы я готовил штурм кемпинга — лучшего места не найти!

Во второй половине дня, ближе к семнадцати часам, командир боевой группы спецназа — подполковник Андрияшин, дал команду подготовить единственный автомобиль, который находился в их распоряжении, к скорому выезду. Через малое время он вызвал к себе троих жильцов домика под номером четыре: Левочкина, Ярилова и Муштагова. Завидев друзей на пороге радиоузла, без всяких прелюдий заявил: — Всем экипировка по полной! Через полчаса выезжаем в станицу Слепцовскую. Тройка «Волгаря» в полном составе, тоже с нами.

Полковник Кисленко принял решение до Слепцовской лететь вертолетом.. Мы его встречаем на ВПП* бывшего истребительного полка. Своих дальнейших планов Кисленко не озвучил: — Андрияшин вздохнул и продолжил:

— Поэтому я принял решение, что в качестве личной охраны руководителя операции, на время его пребывания у нас в «гостях», поручить тройке Тимонина. Вы — для её усиления. Тем более, что меня в планах организовать встречу московского начальника с Муштаговым. Персонально. План Имрана продолжения операции заслуживает того, чтобы Кисленко с ним ознакомился. Возможно, что он захочет побеседовать и вами всеми. Поэтому — готовьтесь!

Вы должны быть готовы доложить свои предложения коротко, четко и ясно. Возможно — в полевых условиях: где — ни будь на ВПП, в вертолете или рядом. Прямо на бетонке: — Подполковник громко щелкнул пальцами:

— Вопросы есть? Тогда — по местам. Выполняйте! С нами Аллах и три пулемета — Эта любимая поговорка Андрияшина — говорила о том, что он уже не какой = то, подполковник Андрияшин. Он теперь — «Урал»!

При запуске двигателя единственно транспортное средство во всем «автопарке» боевой группе спецназа, несчастно дымило. Причем, дымило так, что находиться человеку в его кузове, под тентом, без специального, изолирующего противогаса было опасно для здоровья. Благо, что в движении встречный поток воздуха быстро выдувал бензиновый смрад, и дальнейшая езда становилась вполне приемлемой для организма. Но это если ехать с приличной скоростью.

Расстояние от поселка Карабулак до станции Слепцовской было всего ничего и составляло около десяти километров. Но набрать «приличную» для комфорта скорость было проблематично: количество ям на узкой дороге превышало все разумные пределы. Так — что противогасы на этом пути были бы не лишними.

Кузов тентованного «Урала» для шестерых бойцов спецназа был сродни футбольного поля для одного футболиста. Хочешь — стой, хочешь — сиди, а можешь и прилечь на пол, если тебя не волнует чистота камуфляжа. Но трясло в кузове так, что кроме сидения на узкой скамейке, крепко держась за ребра бортов, возможности не было. Но это был единственный способ езды по дорогам местного значения. Бойцам, сидящим в начале кузова, ближе к кабине автомобиля, повезло больше остальных: они могли позволить себе держаться одной рукой. При этом другую руку можно было использовать для курения.

*ВПП — взлетно — посадочная полоса.

Глава 10

Все: и хорошее и плохое — когда ни будь да заканчивается. Уж так устроена жизнь! Вот и зубодробильная и смрадная дорога тоже закончилась.

Десятикилометровый путь от городского поселка Карабулак до станицы — центра Сунженского района, занял целых тридцать две минуты. Вадим сам засекал время в пути.

Петлять по узким, слепцовским улицам не пришлось: аэродром истребительного полка, долгое время квартировавшего в станице, находился в той её стороне, где рядом проходила эта самая дорога.

Въезд на территорию бывшей воинской части был свободным и никем не охранялся. Военный городок, где ранее проживали офицеры полка вместе с семьями, представлял жалкое зрелище, напоминающее кадры из фильма о войне. Но картины разрухи никого из прибывших не взволновали. Стоило им миновать бывшие офицерские домики, как в километре от них открылся аэродром в самом, что ни есть, приглядном виде. Во всяком случае, именно так смотрелась ВПП и сопутствующие строения издали.

Автомобиль остановился в голом поле, метрах в ста от начала «взлетки». Ни одной живой души, в обозримой округе видно не было. Спецназовцы, по навечно выработанной привычке, расположились так, чтобы в случае необходимости мгновенно занять круговую оборону и накрыть автоматным огнем окружающее пространство.

«Урал», отойдя метров пятнадцать от автомобиля, достал из футляра спутниковый телефон и связался с кем — то из своих абонентов. Разговор продолжался несколько минут, но с кем и о чем было непонятно. Ситуацию разъяснил сам «Урал»:

— Будем ждать прибытия вертолета. Сколько нужно — столько и будем ждать. Прибытие Киселенко задерживается на неопределенное время. Нам не привыкать: мы хорошо учены, и ждать и догонять.

Всем набраться терпения. Рассредоточиться. По ВПП не бегать. Глаза посторонним людям, если они поблизости объявятся, не мозолить. Время ожидания использовать для отдыха. Но не спать, и вертеть головой на все триста шестьдесят градусов: — Рукой указал на ближайший капонир для стоянки и укрытия самолетов: — «Волгарь»! Загони автомобиль в самолетное укрытие. Обваловка* в нем высокая. Своими бойцами оперативно организуй на ней пост наблюдения. Главное внимание на запад: там проходит единственная дорога, по которой можно проехать к аэродрому. Все, расходимся и переходим в режим ожидания: — Через очень короткое время жизнь, для посторонних глаз, на ВПП замерла. Но это только для посторонних лиц. На самом деле бойцы спецназа настороженно ожидали.

*Обваловка — насыпной бруствер для укрытия самолета от обстрела.

Через два с лишнем часа томительного ожидания пришла новая информация: вертолет полковника Киселенко из Ханкалы только — что вылетел. Все с облегчением выдохнули: поговорка на счет «ждать и догонять» была верна на всех широтах и во всех случаях. А время, за

которое вертолет преодолеет восемьдесят километров от Ханкалы до станицы, обещает скорое окончание тягостного безделья.

Так и случилось: через малое время раздался чавкающий звук лопастей, и вертолет опустился в самом начале ВПП. Они еще вращались, когда люк открылся. Из него появилась лесенка, и на бетонку ступил руководитель операции, полковник Киселенко.

Следом за ним, в полной боевой экипировке, объявились трое бойцов в опрятной форме и фабричных балаклавах. Личная охрана. Они мгновенно, и как — то даже изящно взяли его в коробочку, направив автоматы «Вал» в сторону, спешащего к вертолету Андрияшина.

Доклада «Урала» Киселенко слушать не стал и после крепкого рукопожатия оба исчезли в чреве «вертушки». Охрана плавно «перетекла» под днище и заняла позиции у шасси вертолета, каждый у своего колеса.

Вадим, лежа на самом гребне капонира, уважительно хмыкнул и покачал головой: работа охраны вызывала неподдельное восхищение у любого, кто в этом понимает. Посмотрел на часы: восемнадцать тридцать пять. Вновь ожидание и вновь время замедлило свой бег. Но Вадиму, предстоящее ожидание не новинка. Он хорошо усвоил один из главных постулатов снайперской профессии: если ты не умел, и после обучения не научился ждать — настоящим снайпером ты никогда не станешь! А он очень старался им стать!

Грунт обваловки капонира был достаточно твердым и сошки СВДС* на нем стояли крепко. Вадим поводит стволом «снайперки» из стороны в сторону и остался доволен. Приближение темного времени суток его не беспокоило. Ночной прицел уже проверен и готов к работе. Через оптику еще раз осмотрел свой сектор стрельбы и ответственности и ничего подозрительного не обнаружил. Над аэродромом нависла вязкая тишина.

ВПП была выложена железобетонными плитами ПАГ — 18** и от них ощутимо несло, накопленным за день, зноем. Вадим несколько раз глотнул из фляжки, украсил каску несколькими кустиками пожухлой травы и погрузился в состояние похожим на анабиоз. Это когда организм вроде бы отключал все свои жизненные функции, оставляя в нормальном состоянии только зрение и способность мозга дать команду телу, в случае необходимости, на мгновенное пробуждение.

Последняя ночь августа. Ночь последнего летнего месяца..... Темень, как люди говорят — хоть глаза выколи. Время — двадцать два пятьдесят пять. Мерцающего света ярких, мохнатых звезд не хватает для того, чтобы минимально осветить поверхность земли, а луны на небосводе не наблюдалось.

*СВДС — снайперская винтовка СВД в десантном варианте.

** ПАГ- 18 — плита аэродромная грунтовая толщиной 180 мм.

Совещание московского руководителя операции и командира их боевой группы длилось уже более четырех часов. Во всяком случае, они находились в чреве вертолета именно столько времени.

Вадим бодрствовал, периодически внимательно, при помощи ПНВ, осматривая прилегающую к ВПП территорию. Пока все было спокойно, но он вс расслаблялся. Сейчас — тишь,

глядь да Божья благодать, а через мгновение эта идиллия может превратиться в кипящий, плюющийся огнем, котел. Но к такому, резкому изменению ситуации Вадим был готов.

Несмотря на то, что сухой паек они с собой не брали, а к ужину в столовую их не приглашали, чувства голода, особо, он не испытывал. Вот пить хотелось очень! Но поскольку в наличии была всего одна фляжка воды, а он уже к ней несколько раз прикладывался — сейчас требовалось себя строго контролировать и ограничивать в желаниях.

В тишине еочи, звук открываемого в вертолете люка, прозвучал настоящим «громом среди ясного неба». В ночной прицел (ПНВ) Вадим видел, как засевшие за шасси охранники мгновенно ошетились стволами. Из освещенного квадрата люка, по лесенке спустились Киселенко и Андрияшин. Еще пару минут они о чем — то говорили, стоя на бетонке. Пожали друг — другу руки, как это обычно бывает при расставании и Киселенко проворно нырнул в брюхо «вертушки».

Андрияшин, оставшись один на ВПП в кромешней темноте, не дожидаясь, когда в вертолет вернется охрана, рукой просигналил команду общего сбора. А когда лопасти «вертушки» начали раскручиваться — неспешно отступил к капониру. Встреча двоих руководителей операции закончилась благополучно.

Возвращение в Карабулакский кемпинг тоже прошла без всяких происшествий, и тоже закончилось благополучно. Перед тем, как отправить бойцов по своим домикам, «Урал» подзвал к себе Левочкина:

— Всем немедленный отбой. Никаких прогулок в ночи, никаких посиделок для обсуждений итогов поездки. Время позднее, а завтра подъем по расписанию. После завтрака ты, Ярилов и Муштагов ко мне. Вот там и подведем итоги. Ясно? Тогда — свободны! Отдыхайте спокойно: ночная охрана кемпинга уже организована. И без вашего участия: — Пожал руку, и как показалось — «ни к селу, ни к городу», добавил фразу из какого — то старого фильма: — Вставайте граф! Рассвет уже полощется. Нас ждут великие дела!

Глядя вслед, уходящему в свой домик командиру, Кирилл катал в голове его крайнюю фразу, стараясь понять и раскрыть её тайный смысл. Не понял и не раскрыл. Но, не понятно почему, на душе вдруг стало спокойно. Поправил на плече, показавшемуся тяжелой СВДС, и направился к своему домику, возле которого ждали все пятеро участников сегодняшней поездки.

В закрытом весь день домике было жарко. Спать легли поверху спальных мешков, сняв только экипировку и обувь. Единственное окно и дверь в комнате оставили наполовину распахнутыми.

Глава 11

Утро следующего дня, который изменил статус, а с ним и всю недолгую жизнь Игоря, выдалось хмурым, туманным и мокрым. Мельчайшие капли влаги, при полном отсутствии ветра, оседали на листьях кустов, траве, одежде и противной пленкой накрывали открытые участки кожи. Кепка где — то затерялась и волосы, набухшие влагой, стали напоминать губку для мытья посуды.

Но все это было мелочь. По сравнению с муками души и статусом, которым сейчас обладал Игорь — состояние атмосферы выглядело детской шалостью. Еще бы: еще вчера он был капитаном Российской Армии, кандидатом наук, начальником отдела института, а сегодня..: — Игорь совсем по — младенчески всхлипнул: — Ныне он дезертир, убийца сослуживцев, похититель военных секретов, имеющих Государственную важность и в скором времени — предатель Родины!

Одним словом, по нынешним меркам, он — Враг Народа! Что ни на есть — настоящий Враг Народа, да еще и с большой буквы! Игорь грустно усмехнулся. Надо же: обзываю сам — себя последними словами, ставлю на себе клеймо отщепенца, выродка, отброса рода человеческого, а мне хоть бы что. Кажется — никаких моральных терзаний и угрызений совести! Но только кажется!

Какой — то червячок сомнения и сожаления о том, что уже с ним произошло, в душе, а может и в сознании, вроде бы шевельнулся, но какой — то дохленький и слабенький. На такого червяка, даже голодный карасик, по весне, не покусится! Внимания на него не обратит! А я что, глупее карася: — Грустная усмешка постепенно трансформировалась в улыбку. В улыбку, очень похожую на оскал сытого волка:

— Сами виноваты! Им надо было правильно меня воспитывать, чтобы я стал патриотом Союза. Союза, который вы сами и без моей помощи просрали, без моего участия развалили! Под словом «ИМ» он подразумевал всех и каждого жителей Украины и России.

Разве справедливо, что единственный сын высокопоставленного дипломата, который верой — правдой служил коммунистической партии и Советской власти, занимает ничтожную должность в заштатном военном институте? В то время, как дети нынешних «власть держащих», поменявших партийные билеты на газеты, заводы и пароходы, годами не покидают элитных курортов, где тратят такие деньжищи, о которых он, Игорь, и мечтать себе не позволял!

Успокоив, таким образом, своего «дохленького червяка», Игорь, с чувством удачно выполненного долга, закурил первую за это утро сигарету. При этом он обратил внимание на то, что пальцы ничуть не дрожали. Это говорило о том, что к нему вернулось утерянное спокойствие

Придя к такому выводу, Игорек с явным наслаждением докурил сигарету, Неожиданно потянуло в сон. Еще бы: забравшись под днище КУНГа, он почти не спал. Так, изредка проваливался в сон, но через малое время просыпал в холодном поту. Близкое железо над головой давило н мозг.

А потом снова пялился глазами в днище КУНГа, пытаясь выдавить из мозга картинку, на которой водитель Серега хрипел и дрыгал ногами, прошитый очередью из собственного АКСУ. Но как не старался — ничего путного не выходило: и неважно было, открыты или закрыты у него глаза. В конце — концов, пришедший, хмурый рассвет так обрадовал Игорька, что он не смог сдержать слез.

Когда рассвело окончательно, Игорь почувствовал, что если он не начнет двигаться, то простудное заболевание ему гарантированно: мокрая одежда капитально выхолодила тело. Пылая злостью, выстрелил окурком в сторону обрыва и с трудом встал на ноги. Тишина давила на уши и чтобы её нарушить, несколько раз выругался матом, проклиная нудный дождь.

И — о чудо! В районе солнечного сплетения тут же вспыхнул неведомый источник тепла, которое согрело грудную клетку. Сердце ускорило частоту биений, и кровь понесла тепло по венам, сосудам и капиллярам ко всем продрогшим органам тела. Озноб и лед в позвоночнике куда — то исчезли, и влажная пленка спешно покинула лицо и кисти рук.

Может Игорю все это показалось. Может! Но ему, в самом деле, стало намного уютнее и комфортней в этом, Богом забытом, мокром лесу. И злость, почувствовав изменения в настроении, свернулась в кокон и до времени спряталась в темном углу организма.

Игорь неспешно обошел вокруг автомобиля, внимательно оглядывая колею и прилегающую к ней землю. Со вчерашнего дня ничего на месте стоянки не изменилось: Серега — водитель покоился между передних колес ЗИЛа. С левой стороны, по ходу движения, рядом с колеей, блестела россыпь автоматных гильз. На узкой полоске травы, где вчера лежали трупы, расстрелянных им солдат, следов расправы уже не было: дождь смыл все пятна крови.

Опустившись на карачки, долго собирал стреляные гильзы, и только убедившись, что отыскал все — пересчитал: их оказалось двенадцать. Все. Но для полного спокойствия, надо будет пересчитать патроны, которые остались в магазине. Его он сменил на полный магазин, когда расправа закончилась. Память активизировалась, и события вчерашнего дня, вновь накрыли его:

— Дорога, которую Игорь выбрал для возвращения на бывшую ракетную базу, была еще ужаснее той короткой дороги, по которой они ехали из базы в Бамут. Игорь, как и водитель — Серега, по ней ехал впервые. То, что она оказалась длиннее первой — еще полбеды. Она была очень узкой, до тошноты извилистой и малоезженной. К тому же вела вокруг горы «Лысой», которая в плохую погоду могла осчастливить путников камнепадом или грязевым селом.

Серега сердито пыхтел, почти уткнувшись в баранку носом. Все, что происходило сейчас, ему категорически не нравилось. И выбор дороги, по какой они возвращается и сама лесная дорога и хмурое молчание старшего машины. Игорь тоже скрипел зубами от злости, проклиная строителей проложивших эту сволочную дорогу. Для выполнения его планов, ему требовалась остановка, а для этого нужна, хотя бы мизерная по размерам, площадка, на которой можно запарковать ЗИЛ.

А тут, как назло, ничего похожего! Слева крутой горный откос, густо поросший ежевикой; справа — пусть и неглубокая, но пропасть, на дне которой густо растут деревья. Злость, душила, тьмой застилала глаза, временами переходила в неконтролируемую ярость. А тут еще, в дополнении ко всему, у него закончились сигареты!

Матерясь сквозь зубы, скомкал пустую пачку и вышвырнул в открытое окно. Водитель Сергей, возникшую у Игоря проблему заметил и решил её просто: протянул ему полную пачку сигарет «Наша Марка». Даже не поблагодарив солдата, Игорь торопливо прикурил сигарету и постарался взять себя в руки. И ему это удалось. Постепенно он успокоился и неожиданно понял, что проблему парковки он придумал сам. На самом деле площадка ему не нужна. Свои планы он может воплотить в жизнь и без неё!

Проблему он выдумал только для одного: как можно дальше по времени оттянуть жуткий момент прохождения точки не возврата! И злость, только теперь на себя самого, с новой силой ударила в голову:

Игорь высунул голову из кабины, стараясь охладить встречным ветром голову, но неожиданно, даже для самого себя, скомандовал водителю:

— Серега! Видишь, где дорога немного расширяется? Вот там и тормози! Мне надо довести до вас обстановку и новую задачу поставить. Заодно и отдохнем немного на твердой земле. Когда остановимся — построитесь с остальными бойцами прямо у склона: я речь толкать буду. Оружие не брать. Те, двое, пусть оставят свое в КУНГе, а ты здесь, в кабине: — Вспомнив, что в офицерской сумке у него осталась початая пачка сигарет — достал и продемонстрировал её Сереге:

— На твои налегать не будем. Сначала докурим мои! У меня в КУНГе, по моему, еще пара пачек имеется. Всем хватит! А вернемся обратно в Бамут — еще «затаримся». Деньги у меня найдутся! На счет КУНГа он врал.

Через минуту, немного сместившись из колеи в сторону обрыва, ЗИЛ остановился. Глядя куда — то в сторону и стараясь, чтобы мгновенно осевший голос не выдал его полубормочного состояния, просипел:

— Давай, «Серый»! Вон там строй мою охрану: — И левой рукой указал на место возле ежевичной стены: — А я пока свою речь отрепетирую: — Все еще глядя в сторону обрыва, криво усмехнулся:

— Когда строй выровняете, тогда я к вам и выйду: — Как бы он не старался — голос все равно его выдал. Последние слова он еле выдал из горла; «хекнул» и закашлялся. Но Серега — водитель совсем не обратил на это внимания. Послушно выпрыгнул из кабины и направился в сторону КУНГа.

Игорь, собрав в кулак все силы, пригнулся, почти лег на сиденья и скользнул к левой дверке, возле которой, в нише, был закреплен автомат водителя. Непослушными пальцами сбросил хомуты застежек, удерживающих АКСУ и лежа передернул затвор. Патрон послушно вошел в патронник. Все! Последняя ступень, предохраняющая Игоря от страшного преступления, была снята!

Глава 12

Ночь прошла спокойно, а на завтрак их ждал сюрприз. Вместо привычного, сухого пайка бойцам боевой группы предложили гречневую кашу с тушеной говядиной на первое и растворимый кофе с еще горячей булочкой. Плюс к тому сливочное масло и яйцо, сваренное вкрутую. Не иначе — «Урал» подсуетился и проявил отеческую заботу! Очевидно, что местное начальство предоставило нам пищеблок с поваром и всем оборудованием!

Настроение бойцов после завтрака уверенно «поползло в гору». К «сухпаю» они были привычны, но если оставаться до конца честными, то надо признать, что питание из банок всем порядочно надоело! Сразу после сытного, можно сказать праздничного завтрака, не тратя время на перекуры — Кирилл, Вадим и Имран направились к «командирскому» домику. Смахнув бархоткой пыль с обуви, соблюдая необходимое приличие, чинно, по одному, заполнили все свободное пространство в комнатке.

«Урал» занимал место за маленьким, детским столом. «Гости» заняли места на единственных трех стульях возле стены. По внешнему виду было заметно, что Андрияшин провел бессонную ночь. Это подтверждала и пепельница, до отказа заполненная окурками сигарет без фильтра, к которым подполковник пристрастился во время двух командировок в Афганистан. «Приму» он предпочитал любым другим сортам сигарет.

Словно угадав, о чем думают подчиненные, «Урал» быстрым жестом вытряхнул пепельницу в мусорное ведро, протер её куском газеты и вновь водрузил её на стол. Довольно улыбнулся и тут же закурил очередную сигарету:

— Слушайте меня очень — очень внимательно, братишки! Вчера мы с полковником Киселенко обсуждали сложившуюся обстановку и предложения, которые высказал Имран Муштагов. Долго и подробно обсуждали. В результате мы пришли к единому и однозначному выводу:

— В твоих предложениях Имран, имеется смысл и рациональное зерно. И они как никогда своевременны. Но их надо конкретизировать и кое — какие подкорректировать. Этим, уже сегодня, занимаются спецы из контрразведки в штабе КТО в Ханкале. Но твой план признан реальным для выполнения и получил «добро» московского руководителя операции. Полковник просил меня поблагодарить тебя от его имени: — «Урал» хитро усмехнулся:

— Вот это я лихо завернул «речугу»! В одном предложении все местоимения собрал: и «меня» и «тебя» и «его». Но, надеюсь, вы меня поняли и вам ничего повторять и разъяснять не надо. Так — что позволь пожать тебе руку от его имени! И, конечно, от себя — Имка поднялся со стула и их ладони громко сошлись в крепком рукопожатии:

— Служу Советскому Союзу!: — И мгновенно стал пунцовым от похвалы и собственного смущения за допущенный «ляп».

= Виноват! Это я от волнения! Служу России!:

— Теперь улыбались все, кто присутствовал в комнате, но «Урал» не располагал лишним временем для улыбок и веселья. Его губы вернулись в нормальное положение, а его поднятая рука призвала присутствующих к более серьезному отношению к ситуации:

— Так — что дорогие товарищи бойцы — теперь вся инициатива переходит у вас. Старший сержант запаса: — он обращался к Имрану: — Решение уже принято и следующий ход зп тобой! Готовь своих и дедовых людей к серьезной работе. И не только в станице Слепцовской. Планы германских «гостей» нам пока не известны, поэтому возможны любые варианты.

Имран, я тебя очень прошу: привлекая людей к нашей операции, будь на сто, на тысячу процентов уверен, что он достоин этого. Что ты веришь ему, как себе. А если у тебя есть хотя бы капля сомнения — не рискуй! Помни, что от любой ошибки, от любого неверного шага зависит успех и результат работы многих людей! И не только!

От любой ошибки, неточности или глупой инициативы меня, тебя, бойцов группы, а привлеченные тобой к операции люди, тоже становятся полноправными бойцами боевой группы, стоит вопрос однозначного решения задач Государственного значения — Говоря это, подполковник не сводил колючего взгляда с Имки. Точно также на него смотрели и Вадим с Кириллом.

Умел все — таки «Урал» приподнять человека в собственных глазах и тут же озаботить его грузом будущей ответственности. Но озаботить таким образом, чтобы не опустили руки, а наоборот: настроить человека на безусловное решение любых проблем!

Подполковник, глядя в никуда запалил очередную, вонючую «Приму». Выпустив клуб серого дыма, перевел взгляд, на сидящих у стены друзей и только тогда спохватился:

— Не смотрите на меня, как те близнецы, которых мать грудью кормить не желает. Курите, но только по одному! Иначе мы друг — друга видеть не будем — И подвинул пепельницу на край стола:

— Сегодня вечером должен прибыть подполковник Серебрянский с откорректированным планом Муштагова. Если будет время — мы его еще сегодня проштудирруем и перелопадим вдоль и поперек. Если нет — то завтра с утра.

И только после этого вы приступите к выполнению задачи. Мы, в свою очередь, будем заниматься выполнением своих задач. Да, взаимодействие наших групп и синхронизация работы между ними, возложена на Серебрянского. Лучшей кандидатуры, чем НШ* вашей бригады, для этой работы не найти! Кроме вас троих в отдельную группу, а именно так мы её будем именовать впредь, войдет тройка «Волгаря», с которой вы хорошо знакомы и качестве водителя, приданного вам автомобиля — старший лейтенант Леша Десяткин — «Червонец», из Альфы.

*НШ — начальник штаба. (Прим. Авт)

НШ бригады спецназа, в которой служил Вадим — подполковник Серебрянский Сергей Николаевич в кемпинге появился раньше, чем все его ожидали. Причем на двух автомобилях: Сам он, в сопровождение троих бойцов спецназа, на потрепанном УАЗ — 469. Следом за ним, на УАЗ — СГР 2025 начальник разведки бригады майор Рыбкнн — «Акула». За рулем «буханки» — Десяткин — «Червонец».

Конечно, всем было понятно, что «буханка» предназначена для обеспечения работы отдельной группы. Поэтому она вызвала у нас особое внимание. Имран, знающий толк в автомобилях, после её осмотра показал нам большой палец:

— Незаменимый в наших краях внедорожник. СГР означает: Старый Грузовой Ряд. 2025 — экспедиционная модель УАЗа. На базе УАЗ — комби. Усиленная подвеска, повышенная проходимость. Семиместный. Если честно — умные люди его не променяют ни на одну западную модель микроавтобуса. У нас в Бамутском укрепрайоне на таких авто только большое начальство ездило: — Поцокал языком и еще раз показал большой палец.

«Отдельная» группа в полном составе и Андрияшин, плюс все, сегодня прибывшие офицеры, не обращая внимания на скорый ужин, собрались в единственном, административном помещении кемпинга. Вадим помнил, что во времена пионерского лагеря здесь находился медпункт на три больничных койки. С большим трудом, но уместились все.

Ждали Серебрянского, который находился метрах в десяти от ступенек в медпункт и говорил по спутниковому аппарату. Через пару минут он стремительно вошел в помещение. Про крепость нервов Серебрянского среди бойцов бригады ходили легенды, но сейчас он был явно не в себе. Он так рванул на себя стул, который приготовили для него, что со стола слетела, приготовленная заранее, массивная пепельница. НШ, как бы извиняясь, приложил правую ладонь к груди напротив сердца:

Прошу прощения! Правду говорят, что разговор по «спутнику» до ужина, хороших известий не приносит: — Поднял и поставил пепельницу на стол:

— Я только — что разговаривал с полковником Киселенко. У меня для вас новости. И не очень хорошие. А точнее — не новости, а вести, от которых за километр несет дерьмом: обнаружен след исчезнувших из Беслана «туристов». Подчеркиваю: не самих любителей Кавказских гор, а только их след.

Вы уже в курсе, что ни на одном блок — посту на территории Северной Осетии и Ингушетии, интересующая нас группа зафиксирована не была. При отсутствии у них вертолета или других летательных аппаратов, добраться к интересующему их району по воздуху, они не могли. Пришлось расширить район поиска до радиуса пятьдесят километров от Беслана.

И мы оказались правы: одной из поисковых групп повезло. Скажу прямо: наши аналитики недооценили профессиональную осторожность наших «дорогих гостей». Они двигались по принципу известной поговорки: — «Нормальные герои всегда идут в обход» Они не поехали кратчайшим путем в Ингушетию. Они оказались хитрее! А мы — бесшабашней.

Глава 13

Подполковник Серебрянский встал со стула, бочком прошел до вешалки у двери и вернулся обратно на свое место. Таким образом, он старался загасить накопившееся раздражение. Удалось или нет — непонятно, но он продолжил самым обычным голосом:

Выехав из Беслана, они взяли курс на Кабардино — Балкарию. В районе города Майский, через блок — пост внутренних войск, по автомобильной дороге районного значения, просочились в Малгобекский район Ингушетии. Прошли блок — пост, как острый нож через масло, без досмотра автомобиля и регистрации в специальном журнале. «Туристы» купили «вованов» за мизерную цену: три ящика чешского пива «Золотой Фазан» и килограммовую связку астраханской воблы.

Все бойцы, дежурившие на блок — посту вместе с начальником, взяты под стражу, но это нас не спасает и не оправдывает. Поскольку далее их следы теряются: в Малгобеке их никто не видел. А из него десятки проселочных дорог. Плюс две дороги республиканского значения на Грозный и Назрань.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.